И.Л. КЫЗЛАСОВ

НОВОСТИ ТЮРКСКОЙ РУНОЛОГИИ

выпуск I

ЕНИСЕЙСКИЕ НАДПИСИ НА ГОРЕ ЯЛБАК-ТАШ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Москва
2003

ББК 86.2/3я73

И.Л. Кызласов
Новости Тюркской рунологии, выпуск 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). Издательство "Гуманитарий" Академия гуманитарный исследований. М.:2003,- 112с

ББК 86.2/3я73

Книга издана в авторской редакции.

ISBN 5-89221047-2

© Кызласов 2003

ПРОЧТЕНИЕ НАДПИСЕЙ

Полевые работы, проводимые на Саяно-Алтайском нагорье, позволили мне изучить подлинники многих эпиграфических рунических памятников. За редким исключением они выполнены енисейским алфавитом, известным европейской науке с августа 1721 г. благодаря обнаруженным Д.Г. Мессершмидтом в Хакасии эпитафийным стелам. Однако подавляющее большинство енисейских надписей нанесено на скалы. В основном они относятся ко 2-ой половине 8-го — рубежу 10-11 вв. и содержат лаконичные, но совершенно новые сведения о духовной культуре тюркоязычных народов Южной Сибири. Изучены эти письменные памятники мало. Рунические надписи Горного (Русского) Алтая известны менее прочих наскальных текстов, находящихся на землях Хакасии, Тувы и Монголии. Потому именно с них начинаю публикацию полученных материалов. Изучение оригиналов в большинстве случаев дало доподлинно точные копии надписей[1].

[1] Применяемый рунический шрифт создан московским инженером А.С. Должиковым. В тексте приняты следующие условности. Строка надписи обозначается римской цифрой, арабская указывает порядковый номер знака. Для транскрипции применены знаки «Древнетюркского словаря» (1969) (далее — ДТС). В круглые скобки помещены привнесения: в транскрипции — буквы, пропущенные на письме; в транслитерации — возможные значения знака; в переводе — слова, необходимые по смыслу. В квадратных скобках — восстановленные знаки и слова повреждённого текста, в фигурных — буквы а/ä, не имеющие звукового значения. Парой подчёркнутых букв выражен один рунический знак оригинала. Если облик руны не ясен, в скобках указано иное возможное чтение, отмеченное знаком вопроса. Если руну не восстановить даже предположительно или она не-

При создании письменных памятников Южной Сибири и Центральной Азии в раннем средневековье применялось три самостоятельных рунических алфавита: известные орхонский и енисейский, а также новый и еще нерасшифрованный южноенисейский (Кызласов И. 1994). Все они должны быть изучены в качестве самостоятельных эпиграфических групп. Публикуемые здесь надписи, выполнены енисейским алфавитом.

Гора Ялбак-Таш стоит на правом берегу р. Чуи, близ ее впадения в Катунь (рис. 1). Скала возвышается над полотном Чуйского тракта у верстового столба, отмечающего 721 км от Новосибирска и 215 км от поселка Ташанта, стоящего на монгольской границе. На скальных плоскостях западного края горы нанесена 31 строка енисейского письма (рис. 2). Ни один утес в России и СНГ не имеет такого большого числа рунических текстов. Этот уникальный памятник письменности лучше других знакомит с обычаем писания на скалах и позволяет понять его глубинные основы.

Надписи замечены здесь в 1980 г. Е.А. Окладниковой и тогда же изучены на месте тюркологом В.М. Наделяевым[2]. На следующий год им были изданы 11 из 12 найденных тогда кратких текстов (На-

---

знакома, вместо неё поставлена звёздочка. Курсивные цифры в транслитерации и транскрипции указывают на порядковый номер знака, за которым стоят, и служат удобству палеографического и лексического разбора надписи. Известные енисейские памятники обозначены буквой Е с № надписи по сводным спискам, цифры за запятой указывают строку текста.

В рунологии памятники называются по местам их находки. Надписи, обнаруженные рядом, нумеруются римскими цифрами (например: Ялбак-Таш I, II, III-XXXI). Когда строки, изданные ранее как разрозненные, оказываются единым текстом, их номера объединены через дробь (Ялбак-таш II/XV, Ялбак-Таш IV/VI и т.п.). Если внешне единый текст составлен разными людьми, каждая его часть после дроби отмечена арабской цифрой (например: Бичикту-Бом II/1 и Бичикту-Бом II/2). В итоге обозначения следует понимать так: Бар-Бургазы II — «Второй письменный памятник с реки Бар-Бургазы»; Ялбак-Таш II/XV — «Вторая и пятнадцатая строки на горе Ялбак-Таш»; Туяхта I/1 — «Первый письменный памятник из долины р. Туяхта, надпись 1» и т.п.

[2] Историю изучения и публикацию памятника см.: (Кубарев В. — Маточкин 1992, с. 7, 8, 13-15; Kubarev — Jacobson 1996). Именовать его Калбак-Таш ошибочно. Алтайское название Jалбак-Таш (русское Дьолбак или Ялбак-Таш) означает «Плоская гора» и точно характеризует её вид. Имя Калбак-Таш носит другая гора, стоящая выше по течению реки. В науку памятник был введен под правильным наименованием — Ялбак-Таш (Хороших 1949).

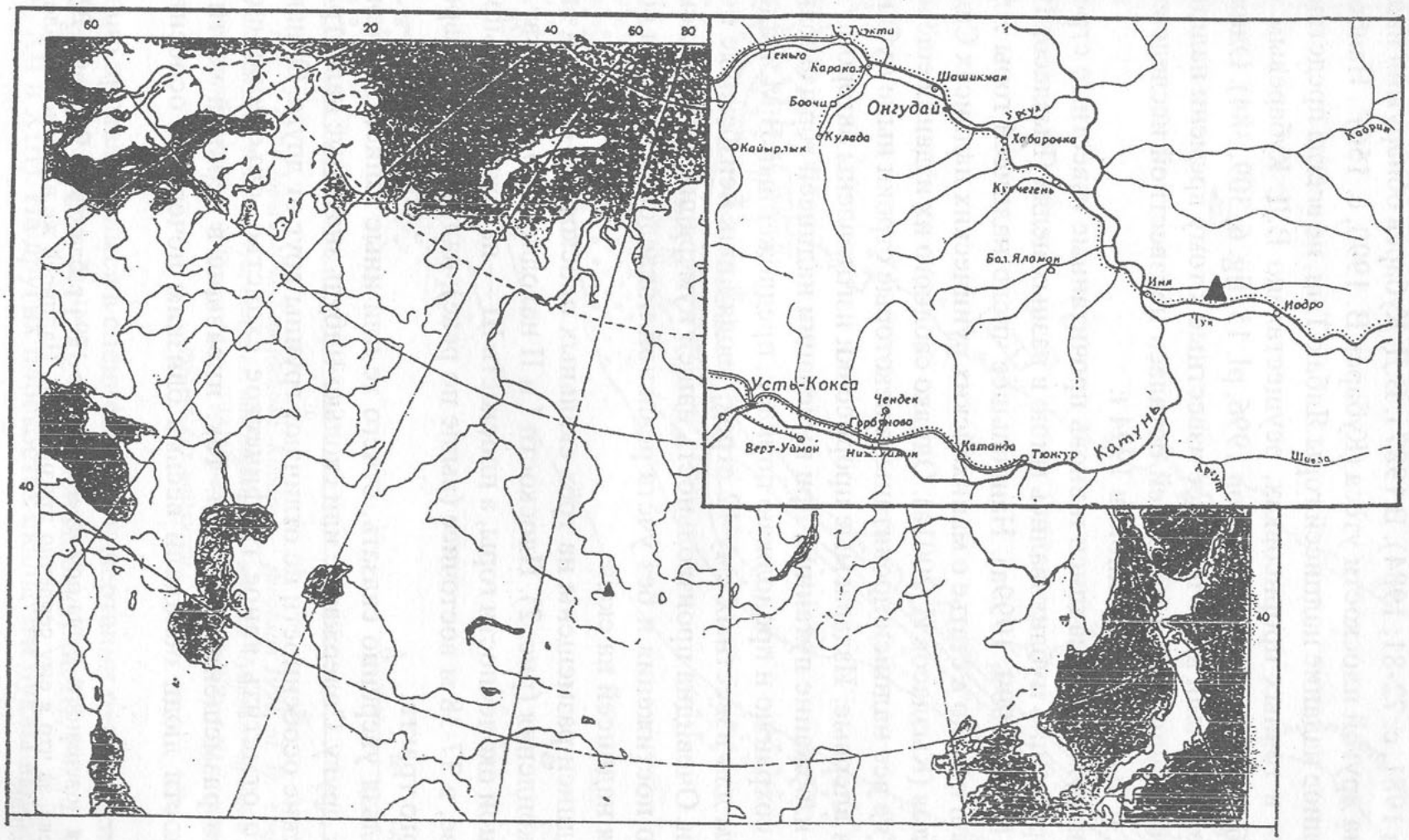

Рис. 1. Местонахождение скалы Ялбак-Таш. Карта-схема.

деляев 1981, с. 72-81; 1984). В 1987 г. В.Д. Кубарев обнаружил надписи на другой плоскости утёса (Кубарев В. 1990, с. 156)[3]. Наиболее полное издание надписей горы Ялбак-Таш, не всегда представленных в точных прорисовках, осуществлено В.Д. Кубаревым и Э.Якобсон (Kubarev — Jacobson 1996, pl. 15, fig. 6, 309, 384). Однако в него не были включены все известные к тому времени надписи. Часть рунических надписей осталась неизвестной исследователям, и была открыта мною в 1994 г.

Обнаруженные надписи и вновь прочитанные известные строки разрозненно публиковались мною в разных целях (Кызласов И. 1997, 1998а, 1999, 1999а). Наибольшее число надписей горы Ялбак-Таш издано в статье о манихейских рунических надписях Саяно-Алтая (Кызласов И. 2001а). Однако сводного их издания ещё не было, не все надписи прочитаны, а некоторые строки ныне публикуется впервые. Издаваемые прорисовки изготовлены автором.

Во избежание путаницы при нумерации надписей горы Ялбак-Таш я сохраняю и продолжаю порядок, предложенный В.М. Наделяевым для известных ему 12 строк, вводя лишь неизбежные поправки. Очевидна произвольность нашей нумерации, произведённой до постижения и без учёта реальной последовательности создания надписей на скале.

Надписи размещены на трёх скальных плоскостях, образуя явные скопления (рис. 2). Плоскости I и II находятся по соседству у западной оконечности горы, а плоскость III — на южном скальном обрыве, в 37-38 м восточнее (выше по реке), над полотном современного тракта.

Нельзя уверенно сказать, отчего те или иные записи тяготели друг к другу. Содержание или сколько-нибудь значимые палеографические особенности не отличают группы друг от друга. Однако можно отметить явное графическое сходство, объединяющее близко размещённые строки. Так, писавшие в верхней части I плоскости люди обладали весьма близким почерком, особенно

---

[3] Эта поверхность была осмотрена мною в 1994 г. благодаря указанию В.Д. Кубарева, за что я ему сердечно признателен. Надписей же на скале оказалось ещё больше.

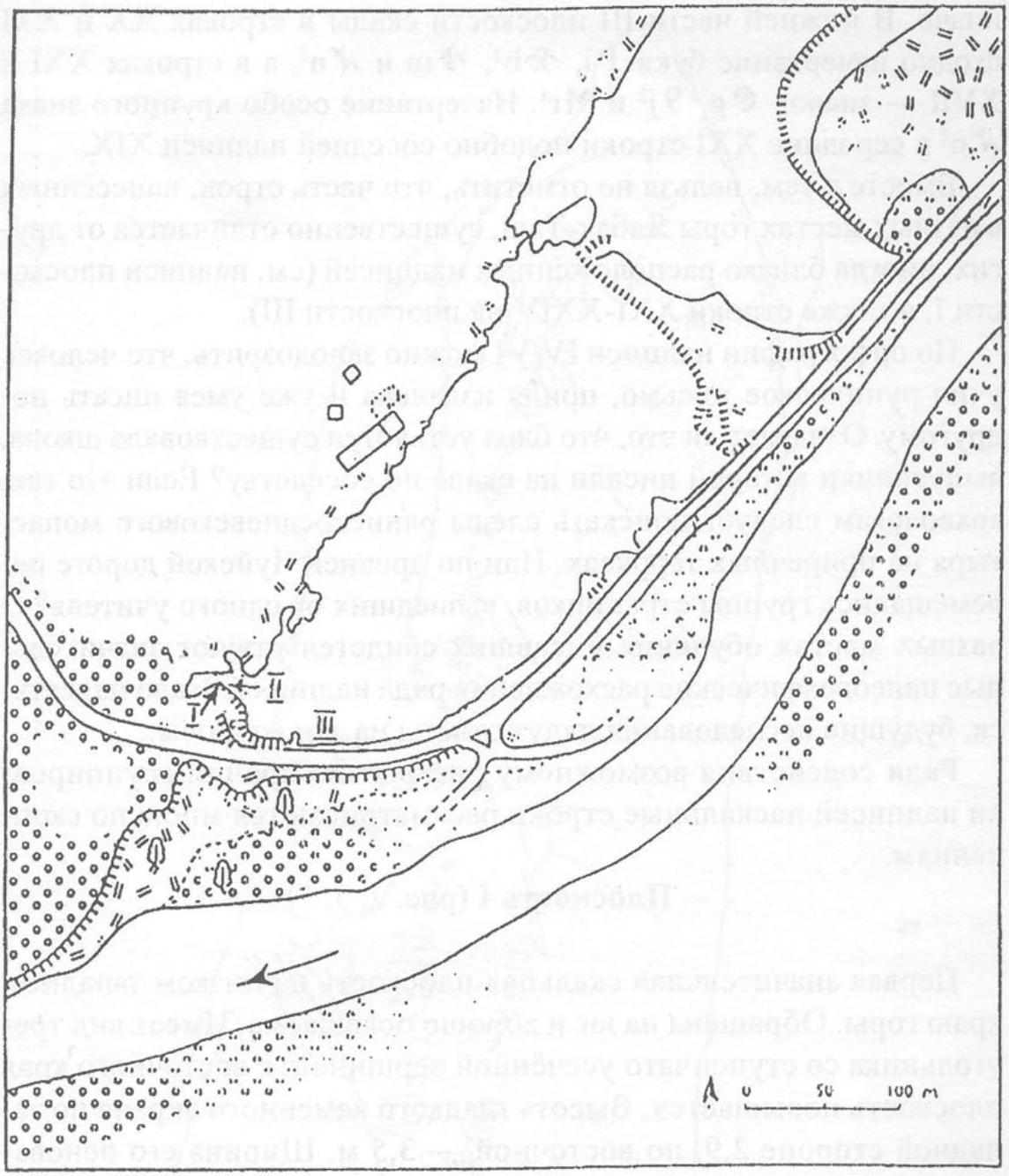

Рис. 2. План горы Ялбак-Таш (основа: Kubarev — Jacobson 1996, pl. 3). Стрелка указывает течение р. Чуи, севернее, над обрывом — трасса Чуйского тракта (в 18 км к северо-западу — д. Иня, в 12 км к северо-востоку — д. Иодро). I-III — скопления рунических надписей.

явно проявлявшимся в специфичном начертании рунических букв ᛄ g, ᚸ γ, ᛇ j², ᛞ j¹, ᛏ t¹, ᛊ z (надписи Ялбак-Таш III, IV/VI, V, VIII, X, XII и XIII). На других плоскостях скалы эти буквы выводились

иначе. В нижней части III плоскости скалы в строках XX и XXI сходно начертание букв ᛁ i, ᛒ b², ᛗ m и ᚾ n², а в строках XXI и XVII — знаков ᚷ g, ᛃ j² и ᚱ r¹. Начертание особо крупного знака ᚾ n² в середине XXI строки подобно соседней надписи XIX.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что часть строк, нанесённых в разных местах горы Ялбак-Таш, существенно отличается от других, иногда близко расположенных надписей (см. надписи плоскости I, а также строки XXI-XXIV на плоскости III).

По орфографии надписи IV/VI можно заподозрить, что человек учил руническое письмо, придя издалека и уже умея писать по-другому. Означает ли это, что близ устья Чуи существовала школа, выпускники которой писали на скале по соседству? Если это так, археологам следует поискать следы раннесредневекового монастыря на приречных террасах. Или по древней Чуйской дороге перемещались группы странников, вышедших от одного учителя? О разных местах обучения писавших свидетельствуют значительные палеографические расхождения ряда надписей. Надо надеяться, будущие исследования дадут ответы на эти вопросы.

Ради содействия возможному раскрытию причин группировки надписей наскальные строки рассматриваются мною по скоплениям.

Плоскость I (рис. 2, 3, 7)

Первая значительная скальная плоскость на низком западном краю горы. Обращена на юг и хорошо освещаема. Имеет вид треугольника со ступенчато усечённой вершиной: с восточного края плоскость повышается. Высота гладкого каменного экрана по западной стороне 2,9, по восточной — 3,5 м. Ширина его основания 2,6 м, вершины в западной стороне 1,2 м, восточной ступени — 0,8 м.

Надписи расположены в двух местах плоскости: у основания экрана в левом его углу (нижняя группа: надписи I, XIV и XVI — рис. 3) и в правом верхнем углу под восточной ступенью вершины (верхняя группа: надписи III-XIII — рис. 7). В последнюю группу включаю и строку XIII, нанесённую сверху на плоскую вершину останца за краем плоскости I.

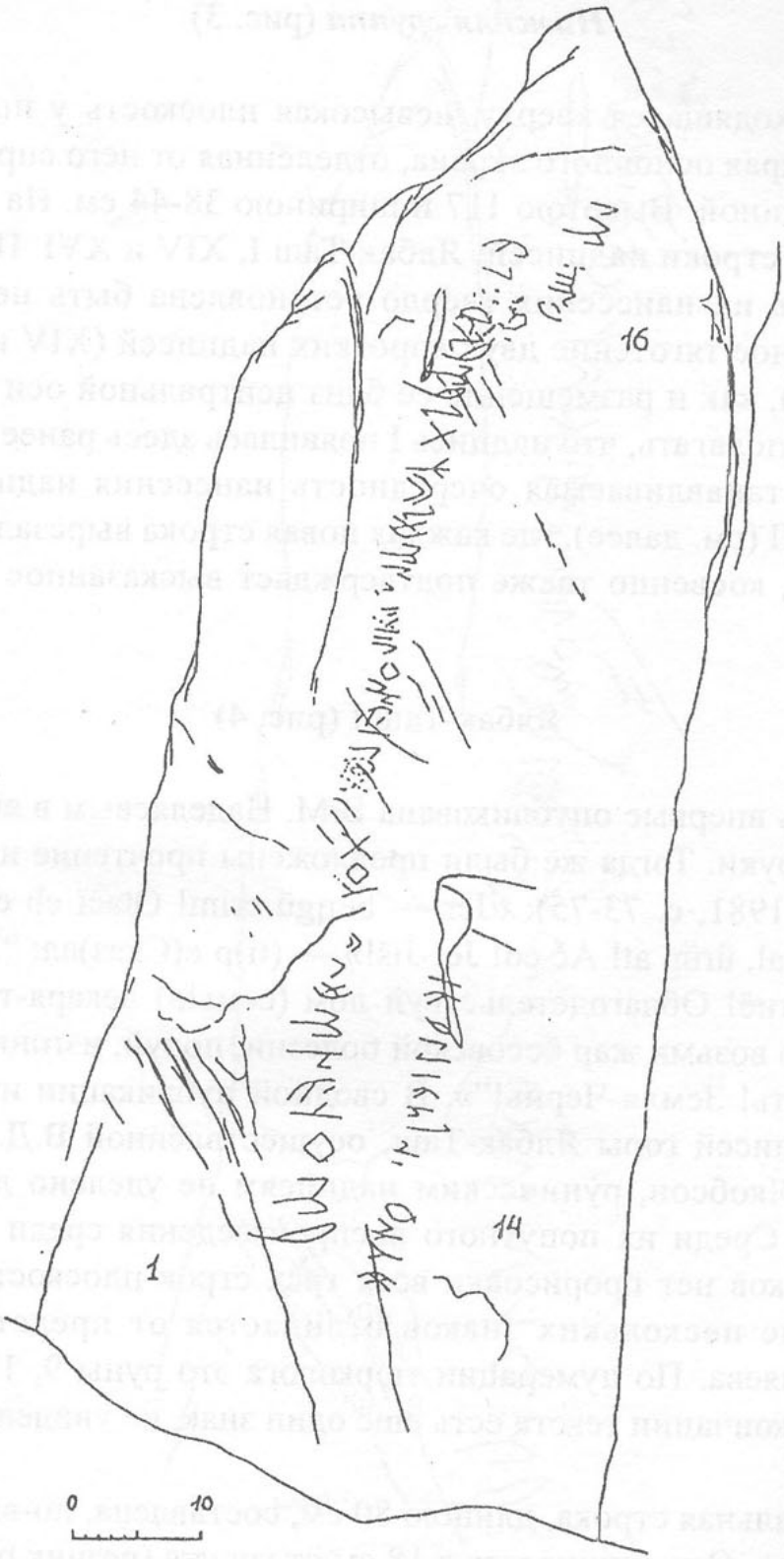

Рис. 3. Ялбак-Таш. Плоскость I. Нижняя группа надписей. Прорисовка 1994 г. Арабские номера соответствуют римским обозначениям надписей в тексте.

Нижняя группа (рис. 3)

Узкая, сходящаяся кверху, невысокая плоскость у подножия западного края основного экрана, отделённая от него справа глубокой трещиной. Высотою 117 и шириною 38-44 см. На ней вырезаны три строки надписей: Ялбак-Таш I, XIV и XVI. Последовательность их нанесения твёрдо установлена быть не может. Определённое тяготение двух коротких надписей (XIV и XVI) к длинной (I), как и размещение её близ центральной оси выхода, позволяют полагать, что надпись I появилась здесь ранее прочих. Хорошо устанавливаемая очередность нанесения надписей на плоскость II (см. далее), где каждая новая строка вырезалась правее старой, косвенно также подтверждает высказанное предположение.

Ялбак-Таш I (рис. 4)

Надпись впервые опубликована В.М. Наделяевым в авторской записи от руки. Тогда же были предложены прочтение и перевод (Наделяев 1981, с. 73-75): «Jer — beŋgü erim! Otačï eb ed: aza ig isigin biser al, ürüp at! Ač ed! Jer-Jïš!» — (ti)p «(Сказ)ал: "Земля — вечное бытиё! Облагодетельствуй дом (семью) лекаря-травника: пятикратно возьми жар бесовской болезни, подуй, изгони! Сотвори благодать! Земля-Чернь!"». В сводной публикации изображений и надписей горы Ялбак-Таш, осуществлённой В.Д. Кубаревым и Э. Якобсон, руническим надписям не уделено должного внимания. Среди их попутного воспроизведения среди наскальных рисунков нет прорисовки всех трёх строк плоскости I. Моё восприятие нескольких знаков отличается от представлений В.М.Наделяева. По нумерации тюрколога это руны 9, 11, 23, 27, 28, 38. В окончании текста есть ещё один знак, не увиденный учёным.

Вертикальная строка, длиною 80 см, составлена, по-видимому, из 40 знаков. Она начинается в 18 см от грунта (резчик опустился на колени) и занимает поверхность, иссеченную природными трещинами. Писавший начал крупными буквами (высотой 7 и 4,2-4,5

Рис. 4. Надпись Ялбак-Таш I. Прорисовка.

см), но, встречая изломы камня, снижал высоту знаков (от 3 до 1 см) в среднем до 2,5-3 см. Изменялась и тщательность письма: первые знаки нанесены широкой бороздою (до 1 мм), с 10-й буквы резы становятся тонкими и на неровной поверхности ныне не ясны. По-видимому, знаки наносились в два приёма: сначала тонко вырезались, а затем по намеченным бороздам чем-то проскабливались. Там, где вторая процедура не была выполнена, сегодня возникают сложности в распознании букв. Особенно труден участок между 20 и 25 знаками. Между рунами 13 и 14, 38 и 39 из-за испорченной поверхности резчиком были оставлены просветы, не имевшие букв.

Разобрать эту надпись мне не удалось. Вероятно, она непроста в правописании. В интересах дальнейшей работы, приведу её текст и транслитерацию. Техническая ограниченность вынуждает меня передавать некоторые знаки редкой формы более распространёнными их шрифтовыми разновидностями (ср. рис. 4).

Текст:

ᛘᛁᛚ 20ᛟᛇᛈᛁᛚ 15ᛈ ᛒᚷᛟ (ᛗ?)ᛦ 10ᛋᚲ᛬ᛉᚴᚾ 5ᛈᛘᛟᛉᛩ
40ᛈᛏ (ᛑ?)ᛁ (ᚲ?)ᛚ (ᚦ?)ᛩ 35ᛉᛩᛚᚷᛠ 30ᛋᛦ᛬ᛉᚴᚾ 25ᛚᛁ (ᛘ?)

Транслитерация:

j²r²b²ŋ²g*5*ü(ö)r²mš²t¹*10*č(q?)b²d²zg*15*i(ï)s²gn²b²*20*i(ï)s²ŋ²(r¹?)s²(š)a(ä)*25*ö(ü)r²mä(a)t¹*30*i̲č̲(š¹?)d²ä(a)j²r²*35*j²(k?)ä(a?š²?)s²(j¹?)pg*40*

Транскрипция: j(e)r b(e)ŋgü (e)rm(i)š …

Перевод: Земля вечно была…

Разбор. 1-2, 34-35. Обычное для рунических памятников написание слова jer «земля» (ДТС, с. 257).

3-6. Здесь написано слово beŋgü «вечный», нередко встречающееся в енисейских надписях. Известны четыре разновидности его написания, вероятно, связанные с различиями в произношении: beŋgü, beŋkü, beŋü и meŋkü (ДТС, с. 94, 343). Последнее слово, вырезанное на Сулекской писанице рядом с beŋkü (Кызласов И. 1994, рис. 18), по всей видимости, отражает разговорную норму, свойственную древним хакасам.

7-9. Фраза надписи завершается глаголом er= «быть» (ДТС, с.

175), стоящим в прошедшем неочевидном времени (=miš). Писавший называет здесь вводные обстоятельства для последующего изложения.

12-16. Вероятно, здесь написано слово bediz «резьба, украшение; изображение, образ» (ДТС, с. 90), снабжённое аффиксом =gi, обозначающим прилагательное места.

Палеография. Енисейская принадлежность надписи определяется употреблением букв ^š (знаки 9 и, возможно, 37), ⩓t^{1} (10, 30) и, пожалуй, ᛉ (31). Последний знак может быть и местной особенностью (Кызласов И. 1994, с. 89, 91), так как известен ещё в пяти надписях Алтая. В надписи на скале Жалгыз-Тюбе, вопреки ожидаемому значению ič, он читается как š^{1}. Алтайскому варианту енисейской письменности принадлежат и две другие характерные формы знаков (Кызласов И. 1994, с. 83, 88, табл. XXIV, 19, 37): руны ᛘ m с дугообразной правой стороною (знаки 8 и 28) и буквы для b^{2}, имеющие вид ромбов (3, 12, 20). Знак-ромб применён ещё раз в надписи Ялбак-Таш XXXIII. Местными, алтайскими особенностями письма анализируемая строка отличается от многих других резных текстов горы.

Орфография. Судить о правописании непрочитанной надписи можно в очень малой степени. Первая фраза выдерживает нормы классической орфографии. Отмечу отсутствие в строке словоразделительных отметок. Последняя черта роднит её с надписью XIV.

* * *

Надпись Ялбак-Таш II расположена на плоскости II.

Ялбак-Таш XIV (рис. 5)

Надпись публикуется впервые. Размещённая на скале всего в 3-6 см правее начальной части строки I (рис. 3), она не была замечена предшественниками, поскольку нанесена тончайшими линиями (инструмент был подобен игле). Составляющие её царапины тверды. Строка вертикальна, но написана сверху вниз. Её длина 24 см. Надпись заканчивается в 17 см от грунта, т.е. согбенный писавший стоял на коленях. Составляющие текст 15 букв выписаны ров-

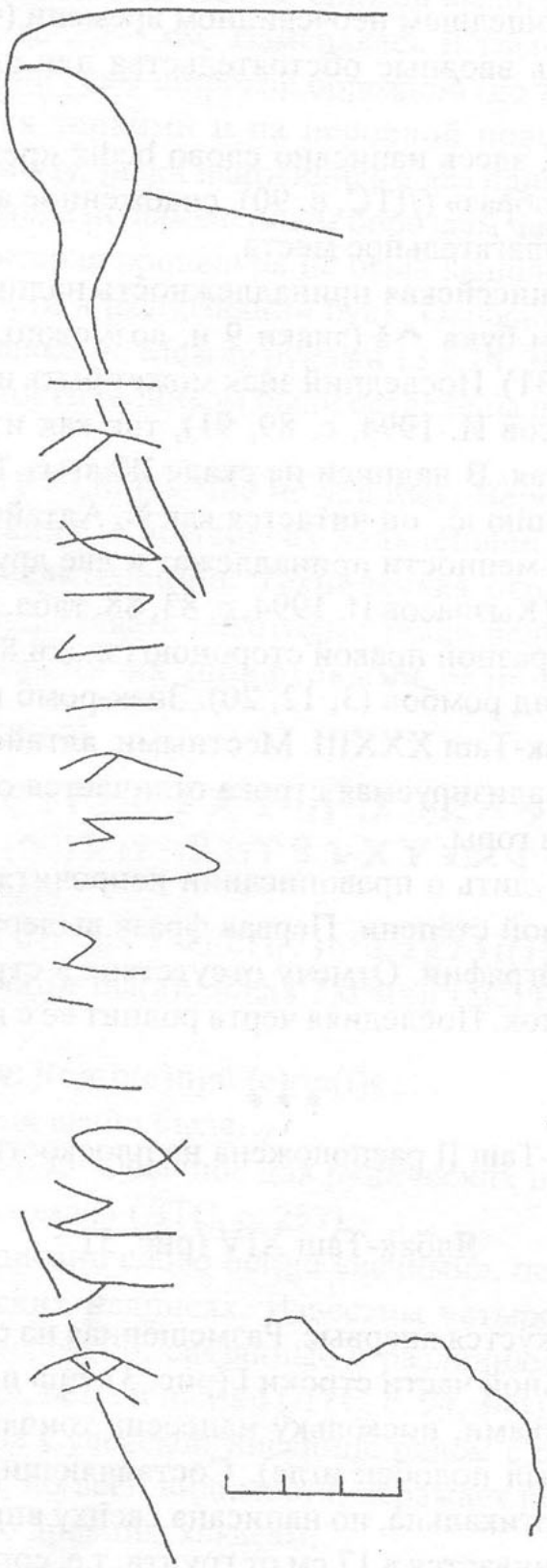

Рис. 5. Надпись Ялбак-Таш XIV. Прорисовка 2001 г.

но, их высота от 2,3 до 3 см, но главным образом — 2,4-2,6 см. Первые три знака нанесены поверх изображения задней ноги оленя. Фигура животного вырезана на камне также в раннем средневековье — наш случай ясно свидетельствует, что рисунки появились на скале ранее надписей. Подтверждение этому находим в расположении других рунических строк (XIII, XVIII, XXI и XXIII).

Облик знаков ясен. Своеобразный вид третьей руны вызывает сомнения в прочтении. Неясно назначение полуштриха (знак 10а). При исследовании подлинника в 1994 г. несколько иначе, чем в 2001 г., мною воспринимался знак 13 (ср. рис. 3 и 5). Разобрать надпись не удалось. Необходимо вновь исследовать подлинник.

Текст:

15ᛦᛉᚴᛟᛁ,10ᚴᛚᛋᛏᛁ5ᚴᛚ (ᛟ?)ᛝᛏᛁ

Транслитерация:

s^2(š^2)kä(b^2?)l^{1}i(ï)s^2(š^2)kr^{1}l^{1}ü(ö)'s^2(š^2)b^{2}ü(ö)l^2(ŋ?)m

Палеография. Надпись принадлежит к алтайскому варианту енисейского письма. На то указывают формы рун ᛏ k (с дугообразным верхним отводком), ᛟ b^2 (овальной формы) и ᛦ m (с дугою справа) (Кызласов И. 1994, табл. XXIV, 7, 19, 35). При учёте алтайских графических особенностей трудно понять, как читать знак 14 — как ᛉ l^2 или ᛋ ŋ (ср. его начертания в надписях Талду-Айры, 5 (Кызласов И. 1997, с. 59, 60, рис. 8) и Ялбак-Таш XXII, 10). Другими особенностями надписи служат: зеркальный поворот одной из рун l^1 (9-й знак), получёрточка, следующая за 10 руной, и просвет между нею и группой из 11-15 знаков. Просвет в строке встречен также в надписях VI, XII и XVI. Особого внимания заслуживает направление этой строки. Вопреки известным особенностям размещения вертикальных енисейских надписей (не только эпитафийных, но и наскальных), она начертана не снизу вверх, а сверху вниз.

Орфография. До прочтения надписи следует отметить дважды встреченное в ней размещение руны ᚴ l^1 среди мягкорядных знаков. В строке нет словоразделительных отметок: ни в виде вертикального двоеточия, ни в виде буквы ᛋ.

* * *

Строка XV принадлежит надписи II и расположена на II плоскости.

Ялбак-Таш XVI (рис. 6)

Надпись не издавалась и не упоминалась предшественниками. Она, как и предыдущая строка XIV, нанесена правее и близко от строки I: от трёх её конечных знаков нашу надпись отделяет 3,7-2,4 см (рис. 3). Вертикальная строка, длиною 9,7 см состоит из шести письменных знаков. Высота букв 2,2-2,6 см (предпоследней руны — 3,7 см, словоразделителя-двоеточия — 1,7 см). Вершина третьей буквы не сохранилась, но знак узнаётся. Надпись читается снизу вверх. Её прорисовка, прочтение и перевод недавно опубликованы (Кызласов И. 2001а, с. 248, рис. 6, *1*).

Рис. 6. Надпись Ялбак-Таш XVI.

Текст: ᚴᛉ:ᚺᚴᛟ

Транскрипция: büt : (e)ri

Перевод: Уверуй и очистись (~ искупи грехи)!

Разбор. 1-3. Глагольная основа büt= «верить, веровать» (ДТС, с. 133) выражает здесь повелительное наклонение 2 лица ед. числа.

4. Словоразделительная отметка в виде двоеточия обращает на себя внимание, поскольку эта орфографическая черта редка для рунических надписей Алтая в целом и начертаний горы Ялбак-Таш в частности.

5-6. Глагольная основа eri= представляет мягкорядный вариант глагола arï= «очищаться» и не зафиксирована «Древнетюркским словарём». Надпись использует её в повелительном наклонении 2 лица ед. числа. Уверенному прочтению способствует второй случай применения мягкорядного варианта той же глагольной основы в строке Ялбак-Таш XI. Особенно существенно, что в надписи VII встречаем использование мягкорядного варианта глагола erit=

вместо более распространённого твёрдорядного arït= «чистить, очищать» (побудительная форма от основы arï= «очищаться»). Такое употребление отмечено словарём (ДТС, с. 51, 53, 179). Эти три случая, вероятно, отразили особенности местного произношения, как самой глагольной основы, так и её производных.

Надпись принадлежит к двум несомненным текстам (ср. Ялбак-Таш XI), свидетельствующим, что у священных скал совершались не только моления, обращённые к божествам, но и призывы, адресованные людям. Наша надпись направлена даже к язычнику, не разделявшему религиозных убеждений писавшего. Её цель, вероятно, — спасти его душу, обратить к истинной вере, очистить от греховного. Отсюда второй вариант перевода надписи. Можно думать, что такие надписи создавались по завершении молений о чужих душах.

Верхняя группа (рис. 7)

Размещение надписей на плоскости I плотной группой предоставляет редкую возможность понять порядок их нанесения. Выстроенные колонкой строки писались от левой к правой. Первой появилась здесь надпись Ялбак-Таш III, за нею — IV/VI, ещё позднее V и, наконец, VII.

Наиболее ясен порядок вырезания надписей V и VII. Строка V уже была на скале, когда вырезали надпись VII: завершающая её буква направлена в просвет между рунами и надписи V и вплотную приблизилась к вершине последней из указанных букв. О том же свидетельствует и начертание трёх букв, завершающих строку VII. Они выведены плотнее прочих, поскольку новая надпись здесь вплотную подступила к старой.

Маловероятно, что строка VI была вырезана позднее III и V, и её крупные знаки, занимающие пространство меж двумя надписями, вставлены в остававшийся просвет. Скорее, плотность этих строк свидетельствует, что они последовательно примыкали друг к другу слева направо. На это указывает и положение строки IV, завершающей строку VI. Её знаки оказались левее окончания VI строки, вероятно, потому, что участок у середины был уже занят надписью III. Неведомая сегодня причина, побуждавшая писав-

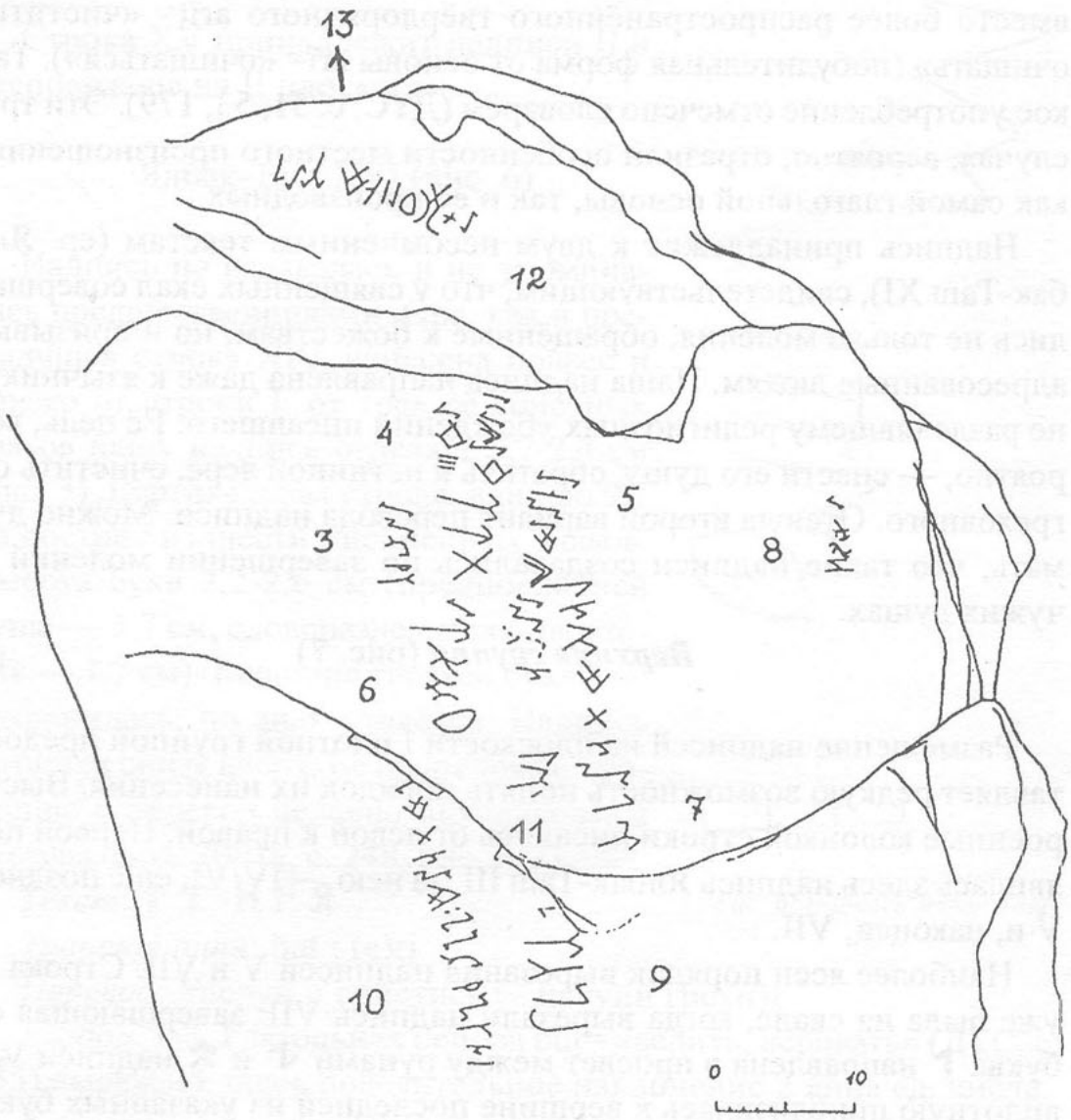

Рис. 7. Ялбак-Таш. Плоскость I. Размещение верхней группы надписей. Арабские номера соответствуют римским обозначениям надписей в тексте.

ших плотно прижимать свои надписи к уже имевшимся на скале строкам, явно вызвала и наклон налево оси надписи VII.

Стремление писцов, как можно теснее примкнуть создаваемой строкою к уже начертанным, позволяет понять, что три нижних строки этой группы (IX-XI) созданы позднее верхних. Проявившееся в верхних надписях правило располагать новый текст правее предшествующего, позволяет заключить, что в нижнем ярусе сначала создана надпись X, затем XI и после всех IX. Предположи-

тельно, позднее центральной группы строк вырезаны на скале надписи VIII, XII и XIII, расположенные обособленно правее или выше остальных. Нет никаких оснований судить об очередности создания этих трёх надписей.

Благодаря размещению строк на этой скальной плоскости наука получает возможность понять, какие тексты видел человек, намеревающийся оставить на скале собственную надпись. Исходя из содержания надписей III-VII и IX-XI, прямой смысловой связи последовательно создаваемых наскальных написаний не наблюдается, но внутренняя связь обязательно была. И её предстоит постигнуть.

Ялбак-Таш III (рис. 8)

Первую публикацию и прочтение надписи осуществил В.М. Наделяев (1981, с. 76, 77; 1984). В восприятии знаков у нас нет расхождений ни с ним, ни с В.Д. Кубаревым (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309) — текст состоит из пяти букв, выведенных тонкими твёрдыми бороздками, и хорошо сохранился. Он размещён вертикальной строкою, длиной 6,1 см. Высота рун от 1,7 до 2,7 см. Предложенное тюркологом прочтение (Al Jägin — имя собственное с буквальным значением «рыжий племянник») ныне может быть уточнено (Кызласов И. 2001а, с. 246, рис. 6, *1*).

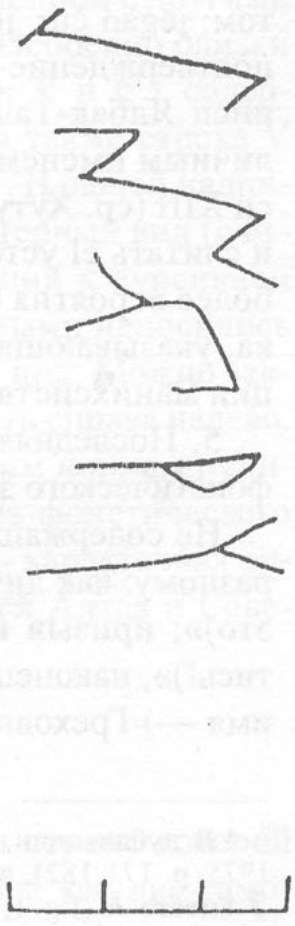

Рис. 8. Надпись Ялбак-Таш III.

Текст:

Транскрипция: (e)l j(e)g(ä)n {ä}

Перевод: Греховный Йеген

Разбор. 1. Среди возможных значений односложного слова, записанного единственным знаком (ДТС, с. 169, 207), мною избирается прилагательное el «низкий, подлый», выступающее уничижительным определением к последующему имени. Я исхожу из установленной религиозно-молитвенной направленности

большинства наскальных надписей Южной Сибири. Нет оснований вслед за В.М. Наделяевым читать знак ᛉ не как l[2], а как l[1]. Очевидно стремление тюрколога придать тексту завершённый вид мужского имени. Однако сделано это без учёта того своеобразного назначения, которое было присуще наскальным надписям в раннесредневековом саяно-алтайском обществе. Следует обратить внимание на то, что вырезанное на скале мужское имя лишено титула — оно принадлежало не аристократу.

2-4. Этими знаками записано слово jegän с первоначальным смыслом «племянник». Формально здесь возможен и иной фонетический вариант— jegin, избранный В.М. Наделяевым и также известный в памятниках рунического письма (ДТС, с. 253). Отмечаемое в средневековых текстах как составная часть мужских личных имён, это слово обычно бывает в них первым компонентом: jegän čur, jegän külüg, jegän qara и т.д. (ДТС, с. 252). И хотя подтверждение такой позиции слова мы встречаем далее в надписи Ялбак-Таш X, в нашем случае el jegän также может быть личным именем: таково значение этого словосочетания в надписи XIII (ср. Хутук-ула I/2 в Монголии[4] : at jegän čur). Однако, если и считать el устойчивым компонентом имени собственного, наиболее вероятна его осознаваемая уничижительная характеристика, указывающая на духовное несовершенство личности с позиции манихейства.

5. Последняя руна, судя по прочим надписям Алтая, не несла фонетического значения, а применялась как знак окончания текста.

Не содержащая сказуемого надпись III может быть понята поразному: как личная мольба — «(Я —) греховный Йеген (написал это)»; призыв к иному человеку — «Греховный Йеген, (очистись!)», наконец, как прошение о нём — «(Я молю за другого, его имя —) Греховный Йеген». Опорой для первого восприятия слу-

---

[4] В публикации, предпринятой по изданным данным (Tryjarski — Hamilton 1975, p. 171-182), вероятно, в силу этого, неверно воспринят 6-й знак надписи: ᛒ вместо ᛣ (fig. 1, 2) — ср. второй вариант прочтения, предложенный авторами на p. 182. Отсутствие показателя принадлежности препятствует здесь пониманию слова ᛅᛏ (a)t как «имя», скорее указывая на выраженное им определение к слову jegän.

жат строки, написанные от первого лица (bitidim «я написал» — Чарыш, Ялбак-Таш II, XVIII, XIX, XXIII, XXVIII и т.д., tedim «я сказал» — Текпенек, Ялбак-Таш X и т.п.), а также, можно думать, надписи Ялбак-Таш IX, XXV, XXVII, называющие разные имена при одинаковом обращении к богу. Призывы очиститься, выраженные повелительным наклонением (Ялбак-Таш XI, XVI), подкрепляют возможность второго понимания нашей надписи. Основанием для третьего варианта являются надписи, оформленные в третьем лице («Его имя эра — Имярек» — Ялбак-Таш XIII, Адыр-Кая).

Палеография. В кратком тексте отсутствуют буквы, по которым различаются орхонский и енисейский алфавиты. Енисейская принадлежность надписи доказывается вертикальным расположением читаемой снизу вверх строки, а также её сравнением с другими руническим строками этой скальной плоскости. Особенно близки к рассматриваемой надпись X (ср. написание рун ᚴ и ᚵ), содержащая характерные енисейские знаки ᛏ и ᛉ, а также строка V (ср. облик буквы ᚵ), в которой встречены ᛋ и ᛉ. В нашей надписи, как и в двух указанных, знак ᚵ g имеет характерный вид (с отгибом основания налево), несомненно, восходящий к курсивной манере письма. Всюду при написании знака первыми наносились правые отводки, а левая линия выводилась после них. Можно заключить, что писавший изначально выучился писать справа налево.

Орфография. Надпись подчинена классическим нормам рунического правописания. Применение знака ᛦ без фонетического значения, в качестве отметки окончания текста — характерная орфографическая особенность енисейских надписей Алтая и Северо-Западной Монголии.

Ялбак-Таш IV/ VI (рис. 9)

Двухстрочная вертикальная надпись, первая строка которой была разделена В.М. Наделяевым и опубликована как две самостоятельных надписи (1981, с. 77, 78). Основанием послужил просвет в 1,5 см, разделяющий пять первых рун и последующие знаки. Верхняя часть первой и вторая строка получили номер 4, ниж-

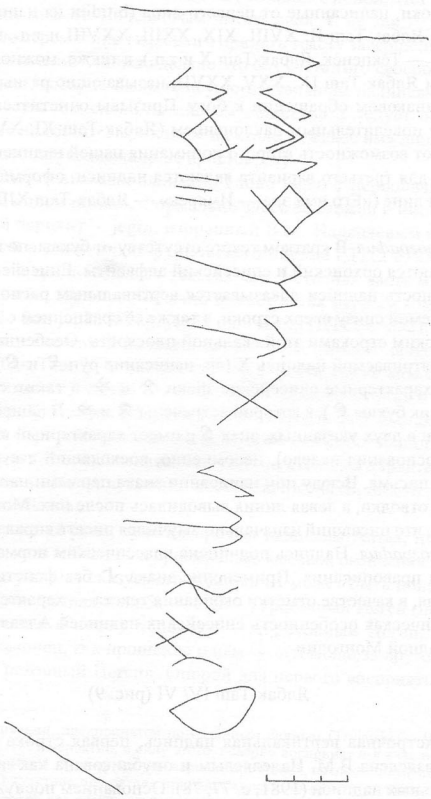

Рис. 9. Ялбак-таш. Строки IV и VI, составляющие единую надпись.

няя часть первой строки — номер 6. Руническая письменность по имевшимся до сих пор данным, действительно, не знает разделения слов просветом, хотя на скале Ялбак-Таш мы уже встречали такое явление в надписи XVI, и ещё увидим в строке XII. В данном случае просвет, вероятно, возник по случайным обстоятельствам. Так, только расположением скальной трещины объясняется здесь перенос трёх букв текста во вторую строку: лапидарному руническому письму также не свойствен перенос части слова в другую строку. Нумерация В.М. Наделяева использована для подсчёта рунических строк, нанесённых на скалу. Первую строку надписи обозначим строкой 6-ой, а вторую — 4-ой (рис. 7).

В.М. Наделяев учёл возможность объединения двух надписей в одну. Однако без понимания орфографического своеобразия этого камнеписного текста и при неверном восприятии двух букв учёным было получено невероятное прочтение — фактически набор односложных слов: Jaγïz-Er! Ed, oq, erim, at, aγï, eb — us «Ягыз-Эр! Думай про скарб, оружие, кочевье, скот, драгоценности и жильё!» (1981, с. 78).

В книге 1994 г., до знакомства с подлинником, мною с палеографическими целями была по рисунку В.М. Наделяева переиздана верхняя часть первой и вторая строки — так называемая «надпись 4». К сожалению, использованное воспроизведение отличает неточность в передаче трёх знаков, в том числе и первой буквы второй строки, о которой тогда шла речь (Кызласов И. 1994, с. 54, рис. 6, *2*). В публикации В.Д. Кубарева и Э. Якобсон (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309) неверно переданы три знака первой строки (I, 7, 13 и 14). Новое прочтение и перевод надписи обнародованы в 1998 г. (Кызласов И. 1998а).

Надпись вырезана тонкими твёрдыми линиями и ясна во всех деталях. Длина первой строки 16 см, второй 4,5 см. Количество знаков в них, соответственно, 14 и 3. Начав писать широко — высота знаков от 2,3-2,4 до 4,3-4,5 см (в основном 2,7-3 см) и ширина от 1,4-1,6 до 2 см, просвет меж буквами от 0,5 до 0,8 см — резчик по мере приближения к рассекающей скалу трещине всё теснее ставил и всё мельче писал руны (высота их от 1,5 до 2 см). Последние шесть знаков, сломив ось строки, размещены выше прочих.

Создаётся впечатление, что автор оставлял здесь место для не вошедших в общий ряд трёх букв, образовавших у левого края вторую строку надписи. Надпись читается единым связным текстом. Разрыв одного слова на части делает явным вынужденное создание второй строки резчиком.

Текст:

I.

II.

Транскрипция:

(I) j(a)γ(ï)z (j)(e)r-ä ïduq (j)(e)r(i)m-ä (a)tanï(II)γma

Перевод: О, бурая земля — о, та, которая должна называться священной моей землёю.

Разбор. I, 1-3. Слово jaγïz «бурый, тёмный» — постоянное определение к слову jer «земля», применяемое в памятниках руничеcкой и иных ранних письменностей (ДТС, с. 225). Для тюркской речи образ бурой земли настолько же характерен, как образ сырой земли в славянских языках. Здесь jaγïz также служит определением к слову jer.

I, 4, 8-9. Единственной руной r², здесь, вне всякого сомнения, записано слово jer «земля» (ДТС, с. 257). Слово, написанное столь необычно (ср. Ялбак-Таш I), опознаётся благодаря предшествующему определению jaγïz, с которым составляет устойчивое словосочетание. Пропуск на письме гласного вполне объясним нормами рунической орфографии, отсутствие же знака j², необходимого в обычном случае, по-видимому, вызвано фонетическим своеобразием индивидуальной речи писавшего. Такие звуковые особенности отражены статьёй «Древнетюркского словаря», фиксирующей слово «земля» и в форме er (с. 175: er VII). Проследить источники словаря в этом случае было бы весьма полезно для определения языковой принадлежности автора наскальной надписи. Характерное для него произношение отражено и при повторном написании слова «земля» (знаки 8-9), наделенного аффиксом принадлежности 1 лица ед. числа =m.

I, 5, 10. Учитывая, что во всей иных случаях написания руны в этой надписи (I, 12; II, 3) она имеет несомненное звуковое значение и не выступает словоразделительным знаком, можно полагать,

что и в названных позициях её следует читать. Если это так, перед нами восклицание, дважды связанное со словом jer «земля».

I, 6-7. Слово написано с нарушением руни́ческого правописания и опознаётся благодаря синтаксической связи с последующим словом jer «земля». С употреблением мягкорядного знака ᚷ d² и твёрдорядного ᛏ uq здесь, несомненно, записано слово ïduq «священный» (ДТС, с. 217). Словосочетание ïduq jer в таком же написании первого слова, по моему мнению, было начертано на Шалаболинской писанице в Хакасии (Е 36/3) (Кызласов И. 1997, с. 181, 182; 1999а, с. 102, 103).

I, 11-14; II, 1-3. Этими рунами в две строки начертано одно слово atanïγma — причастие будущего времени на =ïγma со значением должествования, образованное от возвратной глагольной формы atan= «называться, считаться» (ДТС, с. 66). Обращает на себя внимание морфологически точное членение слова для переноса его части в другую строку. Грамматическое строение слова осознавалось писавшим.

Надпись, вероятно, служит мольбою: «О, бурая земля — о, та, которая должна называться священной моей землёю, (помоги мне)!» По сути, эти строки перекликаются с начальной частью надписи Ялбак-Таш I.

Палеография. Надпись принадлежит к енисейскому письму. Об этом свидетельствует вид букв ᛏ t¹ (I, 11) и ᛗ m (I, 9; II, 2). Особенностями начертания буквы ᛗ служат короткие выходы штрихов за пределы ромбовидного центра. Крестовидное начертание руны ᚴ γ (знак 2) намеренно, но, вероятно, не связано с таласским графическим изводом, а объясняется техникой резьбы. Интересно применение здесь двух несходных разновидностей рун для передачи одного звука γ (I, 2; II, 1), указывающее на то, что один человек владел разными написаниями. По-прежнему вероятно, что вторая, прямолинейная форма знака имеет связь с южноенисейской письменностью. Неслучайно сходство этой буквы с руной, применённой в надписи Жалгыз-Тюбе, сохранившей другие признаки знакомства её автора с южноенисейским письмом (Кызласов И. 1994, с. 54, табл. XXIV, 44). Отмечу и зеркальный поворот руны ᚾ n¹ (I, 13).

В тексте нет ни палеографических, ни, как увидим, орфографических признаков, характерных для алтайского варианта енисейской письменности. Однако почерковые особенности указывают на то, что создатель надписи овладел письмом заодно с иными людьми, писавшими на этой скале. Не случайно руны ᛚᛁᚴγ (знак 2) и ᛞj^{1} (знак 1) в нашей надписи во всём подобны буквам соседней строки XII, знак ᛉz сопоставим с Ялтак-Таш VIII, а ᛏt^{1} — с Ялбак-Таш V. Надписи V и VIII созданы с алтайским правописанием.

Орфография. Надпись содержит ряд орфографических особенностей, в равной мере нарушающих нормы классического рунического правописания. Во-первых, допущено применение мягкорядной руны ᚷd^{2} там, где должен был быть твёрдорядный знак ᛒd^{1}. Во-вторых, в противовес прочим, слово atanïγma написано с обозначением всех гласных, кроме первого. Это, как и отмеченные палеографические несоответствия, позволяет думать, что автор надписи недостаточно усвоил правила рунического письма, поскольку к моменту обучения уже знал какую-то иную систему письменности (скорее, алфавитную, чуждую принципу противопоставления букв для согласных твёрдых и мягких слогов).

Особенности облика примененных рун, как показано, несут следы возможного владения писцом и другой рунической азбукой: не енисейской, а южноенисейской. Можно заподозрить автора этой надписи в знании по крайней мере трёх систем письменности (двух рунических и одной алфавитной). Подобную многограмотность писавших довелось уже обнаружить при анализе орфографии ряда енисейских надписей Саяно-Алтайского нагорья (Кызласов И. 1996, 1997, 1999а). Быть может, неслучайно в тексте встречено и речевое своеобразие — запись слова jer как er — писавший мог прийти на Чую издалёка. Но, судя по почерку, енисейским руническим письмом он овладевал уже на Алтае.

Ялбак-Таш V (рис. 10, *5*)

Первая публикация памятника содержала часть неточно переданной строки. Тем не менее было предложено прочтение, похожее на набор не связанных между собою слов, причина нанесения

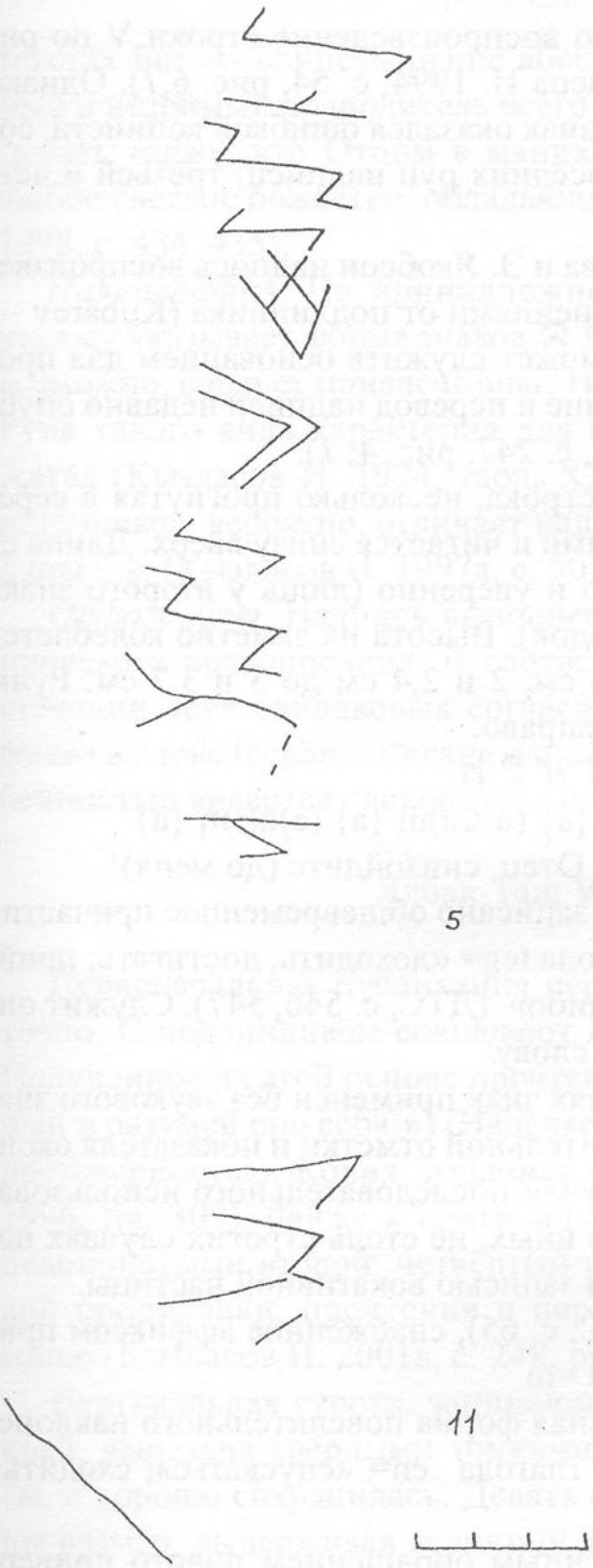

Рис. 10. Надписи Ялбак-Таш V и XI.

которых на скалу необъяснима: aγï at äd alïnŋïl «Возьми себе драгоценности, скот (букв. коня), скарб!» (Наделяев 1981, с. 77, 78). Этот случай (как и иные, специально не оговариваемые), хорошо показывает объективную, обычно не осознаваемую филологами опасность рунологии. По причине пропуска на письме большинства гласных и односложности многих тюркских слов реально существует возможность «прочитать» по-тюркски практически любой набор резов. В этих условиях достоверное прочтение достигается только при учёте контекста надписи, которым, говоря в широком, но строгом смысле, служат как условия её нанесения (на скалы, стелы, предметы и т.п.), так и причины создания, определяющие возможный смысл. Особенно важно отыскать смысловые аналогии в несомненных по прочтению надписях той же категории.

В работе 1994 г., выполненной до изучения под-

линников, мною использовано воспроизведение строки V по рисунку В.М. Наделяева (Кызласов И. 1994, с. 54, рис. 6,*1*). Однако привлекаемый для сравнения знак оказался ошибкой копииста, соединившего воедино части соседних рун надписи: третьей и четвёртой от начала.

В публикации В.Д. Кубарева и Э. Якобсон надпись воспроизведена со значительными отклонениями от подлинника (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309) и не может служить основанием для прочтения. Точная копия, прочтение и перевод надписи недавно опубликованы (Кызласов И. 2001а, с. 247, рис. 4, *1*).

Надпись — вертикальная строка, несколько прогнутая в середине. Она составлена 10 знаками и читается снизу вверх. Длина её 15 см. Буквы вырезаны тонко и уверенно (лишь у второго знака плохо различим верхний отводок). Высота их заметно колеблется от знака к знаку: от 1,5 и 1,8 см, 2 и 2,4 см до 3 и 3,7 см. Руны выписаны косо, с наклоном направо.

Текст: 10𐰴𐰼𐰃𐰴𐰚5𐰆𐰴𐰃𐰍𐰋

Транскрипция: t(e)g(g)(ä)n {ä} (a)t(a)m {a} (e)n(i)ŋ {ä}

Перевод: Обретённый мой Отец, снизойдите (до меня)!

Разбор. 1-3. Тремя рунами записано общевременное причастие на =gän, образованное от глагола teg= «доходить, достигать; прийти к чему-либо, обрести что-либо» (ДТС, с. 546, 547). Служит определением к последующему слову.

4, 7, 10. Во всех трёх случаях знак применён без звукового значения в качестве словоразделительной отметки и показателя окончания надписи. Подобные случаи последовательного использования руны показывают, что и в иных, не столь строгих случаях написания этот знак не является записью вокативной частицы.

5-6. Слово ata «отец» (ДТС, с. 65), снабжённое аффиксом принадлежности 1 лица ед. числа =m.

8-9. Перед нами почтительная форма повелительного наклонения 2 лица ед. числа (=ŋ) от глагола en= «спускаться, сходить» (ДТС, с. 173).

Надпись видится молитвенным обращением нового приверженца манихейской религии к верховному божеству. Именно так (Отец или Отец величия, Отец света) называется в манихейских

текстах Бог — олицетворение абсолюта, безмерный, непостижимый и незримый прародитель всего светлого. Однако следует учитывать также, что Отцом в манихействе именуют практически любое светлое божество, обладающее творческой силой (Смагина 1998, с. 434, 435).

Палеография. На принадлежность надписи к енисейскому письму указывает форма знаков ᛏ t[1] и ᛗ m. К датировке надписи, возможно, следует привлечь знак ᚻ t[2], имеющий короткую ножку. Руна такого вида характерна для многих рунических надписей Алтая (Кызласов И. 1994, табл. XXIV, 5) и, при анализе других источников, вероятно, отличает надписи, созданные позднее середины 9 в. (Кызласов И. 1997а, с. 50).

Орфография. Надпись выполнена в нормах классического рунического правописания. В соответствии с ними на письме при стечении двух одинаковых согласных основы и причастного аффикса в слове teggän записана одна буква g. Сугубо алтайской особенностью является словоразделительное назначение руны ᛋ.

Ялбак-Таш VII (рис. 11)

Первоначальная публикация передает надпись частично и неточно. С подлинником совпадают лишь три разрозненные знака. Полученное на этой основе прочтение (sän asid mä usïŋïl «Ты слушай и разумей про себя!») (Наделяев 1981, с. 78, 79) не отличается достоверностью. Копия, изданная в 1996 г. (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309), ближе к оригиналу, однако, на этот раз остались недопонятыми второй, четвёртый и восьмой знаки. Издание новой прорисовки, прочтения и перевода надписи осуществлены мною (Кызласов И. 2001а, с. 248, рис. 4, *3*).

Вертикальная строка, занимающая в группе надписей правый край, вырезана твёрдыми тонкими бороздами, имеет длину 19,5 см, и хорошо сохранилась. Девять составляющих её знаков меняют размер, выдерживая величину в пределах каждого отдельного слова. Писавший начал крупными буквами (высотой 3 — 3,1 — 4 см), затем уменьшил их (2,2 — 1,6 — 2,2 см) и вновь увеличил (2,6 — 2,7 — 3,6 см). Вся строка несколько завалилась налево. После-

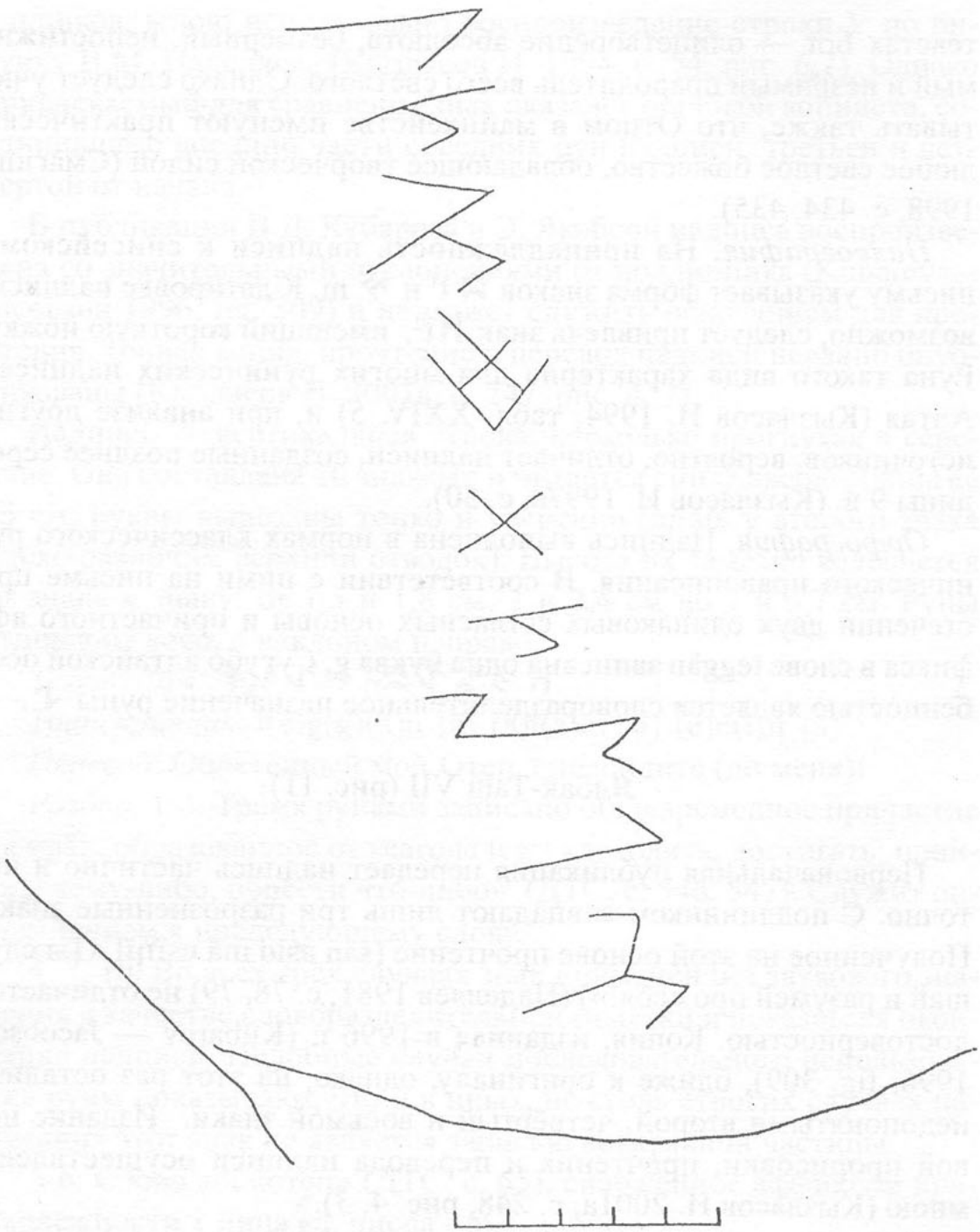

Рис. 11. Надпись Ялбак-Таш VII.

дние три знака размещены плотнее прочих из-за приближения строки к уже бывшей на скале надписи V.

Текст: 𐰚𐰇𐰴𐰾𐰃𐰋𐰇𐰼𐰴

Транскрипция:(e)rp(ä)n t(e)d(i)m (e)r(i)(t)ti

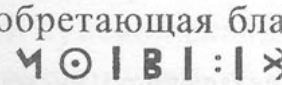
Перевод: Я осудил (~ отверг), сказал (и) он искупил (грехи ~ очистился).

Разбор. 1-3. Здесь записано деепричастие, образованное при помощи аффикса =pän от глагола er= «выражать неприязнь, относиться с пренебрежением» (ДТС, с. 175) и выражающее действие предшествования, т.е. служащее непоследним сказуемым.

4-6. Глагол te= «говорить, сказать» (ДТС, с. 545), стоящий в прошедшем времени (=di=), в 1 лице ед. числа (=m). По грамматической сути выражает действие, вызванное предшествующим поступком, обозначенным деепричастием (руны 1-3). Служит последним сказуемым, поэтому в переводе здесь можно поставить точку.

7-9. Тремя знаками записана форма прошедшего времени 3 лица ед. числа (=ti) от глагольной основы erit= — мягкорядной разновидности глагола arït= «очищать, чистить» (ДТС, с. 53, 179). Наскальные молитвенные надписи Саяно-Алтая фиксируют переносное значение этого глагола: «искупать грехи, очищаться от порока». До сих пор, насколько известно, глагол arït= в значении «искупать (грехи)» встречался в раннесредневековых буддийских текстах лишь в парном словосочетании с глаголом alqïntur= (ДТС, с. 53). Для буддийских сочинений домонгольского времени см. также arït= «очищать» в биографии Сюань-цзана (Тугушева 1991, с. 311).

Таким образом, внося в текст необходимые поясняющие слова, надпись можно прочитать: «Я осудил (его), сказал (наставление) и он очистился (искупил грехи)».

Содержание этой краткой надписи доказывает существование в раннесредневековом саяно-алтайском обществе фигуры духовника — религиозного наставника, пекущегося о духовном совершенстве верующих, об их истинном следовании учению пророка и обличающего пороки. В единый смысловой ряд с надписью Ялбак-Таш VII встаёт надпись Лисичья II в Хакасии, приобретающая благодаря алтайскому тексту полную ясность: q(a)pčuq (или q(o)p čoq) b(i)t(i)m(i)š sök(ü)š(ü)ŋ (a)r(ï)m(ï)š «Капчук (или «презреннейший» — буквально: «совсем презренный») написал (это) (и)

твоя хула очистилась» (Кызласов И. 1994, с. 189, рис. 21; 1998, с. 146-148, рис. 3, 4; 2001а, с. 248, 249). Вероятно, писавшего побудила к покаянию обращенная к нему обличительная речь пастыря.

Интересен вопрос о том, почему духовник начертал о своём поступке наскальную надпись. Вероятно, в манихействе существовал ритуал своеобразной отчетности перед божеством о благих деяниях верующих. Возможно, эта традиция охватывала и вполне светские деяния — вспомним здесь надпись на Городовой стене (Е 144) и перечень благих дел, называемых надписями на скале Хая-Бажи в Туве: строки V и VII (Е 24/5, Е 24/7) (Кызласов И. 1994, с. 191- 194; 1999, рис. 1)[5].

Палеография. Надпись выполнена классическим енисейским письмом, на что указывает облик рун ᛟ m и ᚺ t². Особенностью последнего знака служит укороченный правый отводок. Интересно двоякое начертание руны ᛉ r²: в первом случае верхняя часть знака вырисовывалась отдельно от ствола, во втором — левая часть верхушки начертана заодно с ним. Видимо, в последнем варианте отразились навыки беглого рукописного письма.

Орфография. Правописание надписи подчинено нормам классической орфографии — из 9 знаков лишь одним записан гласный, в конечном открытом слоге. Стечение двух одинаковых согласных в слове eritti передано, как и положено, одной рунической буквой ᚺ t² (знак 8).

Ялбак-Таш VIII (рис. 12)

Надпись расположена обособленно в правой части скальной плоскости. В.М. Наделяев издал ее в неточной автографии (включавшей в облик рун и не относящиеся к буквам борозды). Этим обусловлено неудачное прочтение текста: sap salzïm (или saldïm/salδïm) «Я определил очерёдность» (Наделяев 1981, с. 79).

---

[5] Причина создания таких надписей в 1994 г. мне виделась иною, чисто светскою, что объясняется начальной стадией работы с наскальными текстами Саяно-Алтая.

Прорисовка В.Д. Кубарева (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309) неверно воспроизводит первую и неточно вторую букву надписи. Иное воспроизведение, прочтение и перевод строки изданы в 2001 г. (Кызласов И. 2001а, с. 247, рис. 1, *2*). Надпись нанесена вертикальной строкою, длиною 5,6 см, и состоит только из четырёх букв, высота которых убывает к концу от 2,1 до 1,5 см. Завершающий знак выходит за общую линию строки налево.

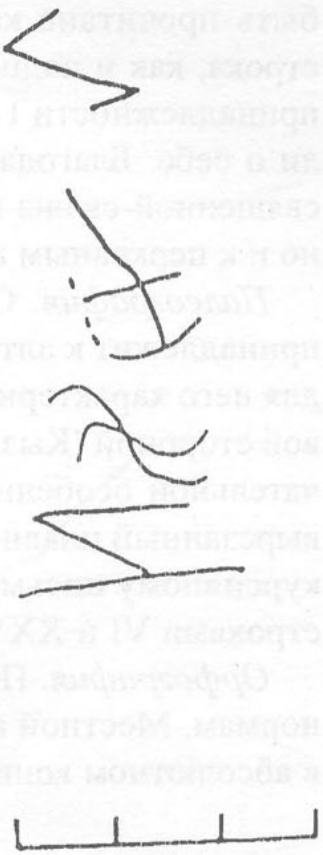

Рис. 12. Надпись Ялбак-Таш VIII.

Текст: 𐰚𐰼𐰴𐰍

Транскрипция: (a)rz(ï)m {a}

Перевод: Мой святой!

Разбор. 1-3. Этими рунами записано оформленное показателем принадлежности 1 лица ед. числа (=m) слово arzï. Таков один из фонетических вариантов (ср.: aršï, irši, rsi, ršï) заимствованного из санскрита религиозного термина со значением «святой, отшельник, мудрец» (ДТС, с. 55, 58). Надпись, насколько известно, отмечает первый случай применения этого слова в памятниках рунической письменности. Другой санскритизм встречен в енисейской надписи на скале Крес хая в Хакасии (Е 137) (Кызласов И. 1994, с. 188, рис. 20; 2000, с. 71, рис. 2-4).

4. В этой ситуации неясно, как воспринимать последний знак надписи: в качестве отметки окончания текста или записи вокативной постпозитивной частицы. Исходя из особенностей руни ческих надписей Алтая, оба варианта кажутся приемлемыми. Ср. с одной стороны надпись Ялбак-Таш IV/VI, с другой — Ялбак-Таш V. Однако применение буквы 𐰚 в завершении серии кратких надписей чуйской скалы (строки III, IX, XXV, XXVII, XXVIII) склоняет к восприятию её как знака окончания.

Надпись обращена к святому или праведнику-отшельнику и, исходя из назначения манихейских наскальных надписей, может

быть прочитана как мольба «Мой святой, (помоги мне)!» Эта строка, как и надпись V, оформляя объект обращения аффиксом принадлежности 1 лица ед. числа, показывает, что писавшие молили о себе. Благодаря разобранной надписи устанавливаем, что у священной скалы верующие обращались не только к божествам, но и к церковным авторитетам.

Палеография. Судя по особенностям третьей буквы, надпись принадлежит к алтайскому варианту енисейского письма. Именно для него характерно употребление руны ᛦ m с дугообразной правой стороной (Кызласов И. 1994, с. 83, 88, табл. XXIV, *19*). Примечательной особенностью надписи служит её второй знак — ᛉ z, вырезанный плавно изогнутыми линиями. Несомненно, восходя к курсивному письму, облик этой буквы сближает нашу надпись со строками VI и XXVI.

Орфография. Правописание надписи подчинено классическим нормам. Местной алтайской чертою служит применение знака ᛋ в абсолютном конце текста.

Ялбак-Таш IX (рис. 13)

В.М. Наделяев в работах 1981 и 1984 гг. воздержался от публикации этой надписи, отметив, наравне с текстом XI, её краткость и плохую сохранность (1981, с. 79). У меня нет возможности узнать, какую из двух нижних строк скальной плоскости их первый исследователь числил девятой, а какую — одиннадцатой. Применяя эти номера, обозначаю надписи от нижней к верхней (рис. 7). Рассматриваемую строку В.Д. Кубарев опубликовал с неточным воспроизведением двух первых букв (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309). Первое прочтение и перевод этой надписи, сопровождённые её прорисовкой, изданы в 2001 г. (Кызласов И. 2001а, с. 248, рис. 5, *2*).

Надпись размещена вертикально и состоит из 5 знаков. Из-за скола поверхности мне, в отличие от В.Д. Кубарева (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309), не удалось полностью разглядеть две последние руны, но совершенно ясно, какие это были буквы. Длина строки (измеряемая мною по увиденному) 9,1 см. Высота

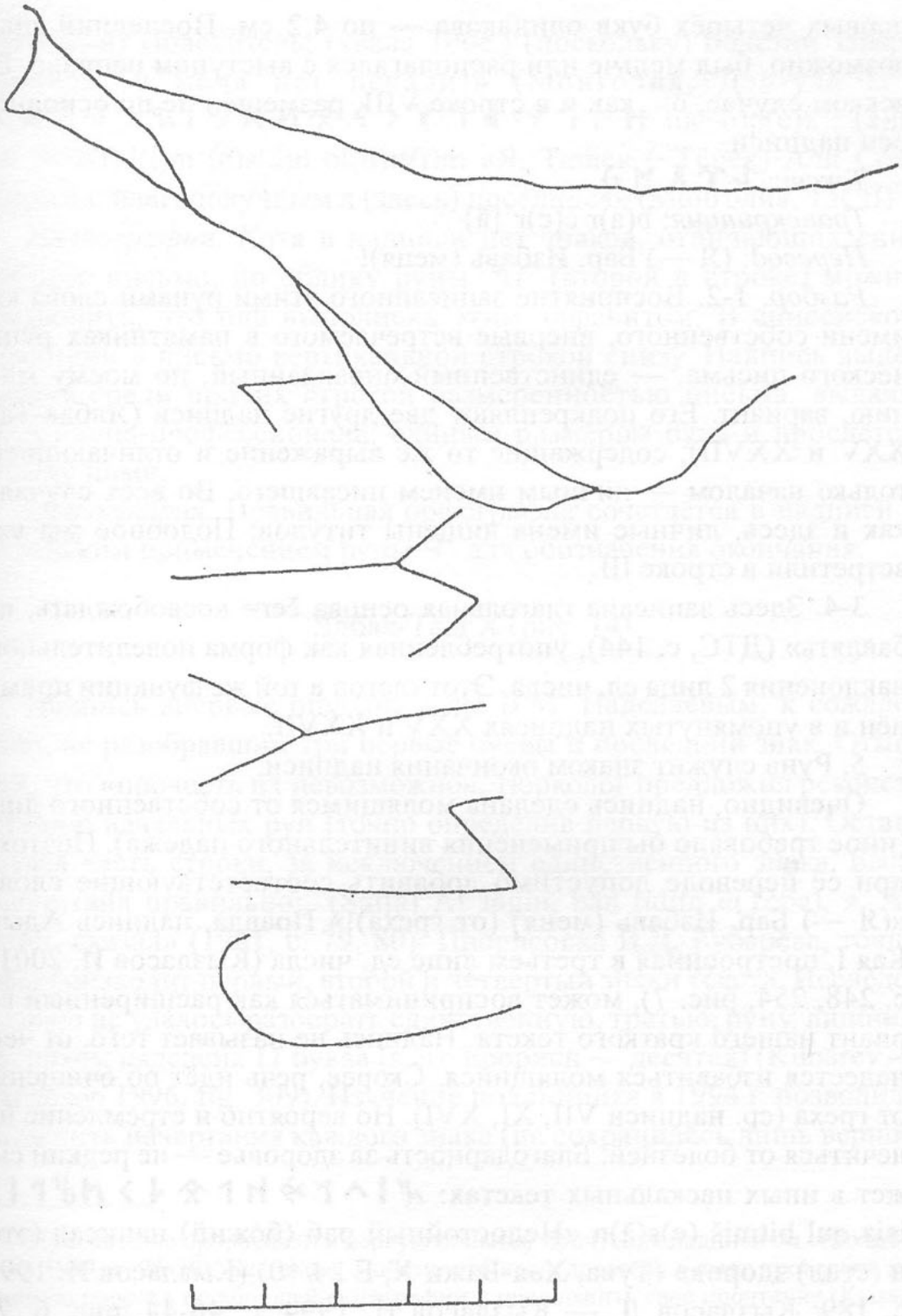

Рис. 13. Надпись Ялбак-Таш IX.

первых четырёх букв одинакова — по 4,2 см. Последний знак, возможно, был мельче или располагался с выступом направо. Во всяком случае, он, как и в строке VIII, размещён не по основной оси надписи.

Текст: ᛚᛉᚨᛋᛟ

Транскрипция: b(a)r č(e)r {ä}

Перевод: (Я —) Бар. Избавь (меня)!

Разбор. 1-2. Восприятие записанного этими рунами слова как имени собственного, впервые встречаемого в памятниках рунического письма, — единственный оправданный, по моему мнению, вариант. Его подкрепляют две другие надписи (Ялбак-Таш XXV и XXVII), содержащие то же выражение и отличающиеся только началом — личным именем писавшего. Во всех случаях, как и здесь, личные имена лишены титулов. Подобное мы уже встретили в строке III.

3-4. Здесь записана глагольная основа čer= «освобождать, избавлять» (ДТС, с. 144), употребленная как форма повелительного наклонения 2 лица ед. числа. Этот глагол в той же функции применён и в упомянутых надписях XXV и XXVII.

5. Руна служит знаком окончания надписи.

Очевидно, надпись сделана молящимся от собственного лица (иное требовало бы применения винительного падежа). Поэтому при её переводе допустимо добавить соответствующие слова: «(Я —) Бар. Избавь (меня) (от греха)!» Правда, надпись Адыр-Кая I, построенная в третьем лице ед. числа (Кызласов И. 2001а, с. 248, 254, рис. 7), может восприниматься как расширенный вариант нашего краткого текста. Надпись не называет того, от чего надеется избавиться молящийся. Скорее, речь идёт об очищении от греха (ср. надписи VII, XI, XVI). Но вероятно и стремление излечиться от болезней. Благодарность за здоровье — не редкий сюжет в иных наскальных текстах: ᛙᛁᚳᚴᚱᛯᚺᚴᚱᛯᛦᛊᚴᚱᛁᚱ isiz qul bitmiš (e)s(ä)n «Недостойный раб (божий) написал (это) и (стал) здоров» (Тува, Хая-Бажи X, E 24/10) (Кызласов И. 1994, с. 189; Кызласов Л. — Кызласов И. 1994, с. 40-44, рис. 6, 7); ᛉᛏᛞᛯᛘᛊᛟᛉᛙᛒᚺᛇᚴᛯᛉᛯᛊᚴᛘᚱᛏᚱᛘᚺ t(ä)ŋiri q(a)n(ï)m ig tük(ä)n buŋ(ï)m joq «Мой Небесный (~ Боже-

ственный) Повелитель, (хвала Тебе,) (поскольку) болезни завершились, у меня нет печали!» (Монголия, Дэл-ула I)[6]; 𐰉𐰆𐰍𐰚𐰃𐰍𐰇𐰉𐰆𐰴𐰋𐰚𐰃𐰼𐰍𐰚:𐰉𐰍𐰋𐰋 tü(~ö)p(e)k : (a)lp sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(u)rt(ï)m «Я, Тюпек (~Тёпек) Алп Сол, написал: благополучным я (здесь) поселился» (Монголия, Тэс II)[7].

Палеография. Хотя в надписи нет знаков, отличающих енисейское письмо, по облику руны 𐰍r[1] (второй в строке) можно заключить, что она выполнена этим алфавитом. В енисейской традиции и письмо вертикальной строкой снизу. Надпись выделяется среди прочих строгой размеренностью письма, выдающей писца-профессионала: единым размером букв и просветов между ними.

Орфография. Правильная орфография сочетается в надписи с алтайским применением руны 𐰚 для обозначения окончания.

Ялбак-Таш X (рис. 14)

Надпись впервые опубликована В.М. Наделяевым, к сожалению, не разобравшим три первые буквы и последний знак. Отмечая, что «прочесть их невозможно», тюрколог предложил реконструкцию начальных рун (точно определив первую из них). Оставшаяся часть строки, за исключением единственного знака, была прочитана правильно: (Saŋa) Al Jägin, bän tidim «(Тебе), я, Ал Егин, сказал» (1981, с. 79, 80). Прорисовка В.Д. Кубарева, точно воспроизводит первый, второй и четвёртый знаки текста. Исследователю не удалось разобрать единственную, третью, руну, лишним штрихом наделена 11 буква (в его прориси — десятая) (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309). Изучение подлинника в 1994 г. позволило выяснить начертания каждого знака (не сохранилась лишь верши-

---

[6] Публикацию прорисовки и первую попытку прочтения надписи см.: (Болдбаатар 1997, с. 26-30). Благодаря любезности исследователя я смог проверить изданную прорись по хорошей фотографии и предложить своё прочтение (Кызласов И. 1999б, с. 184).

[7] История изучения, описание, фотография прорисованной надписи, вариант прочтения и перевода изданы С.Г. Кляшторным (Кляшторный 1978, с. 152-155, фото 1). Приводимое прочтение предложено мною (Кызласов И. 1999, с. 100).

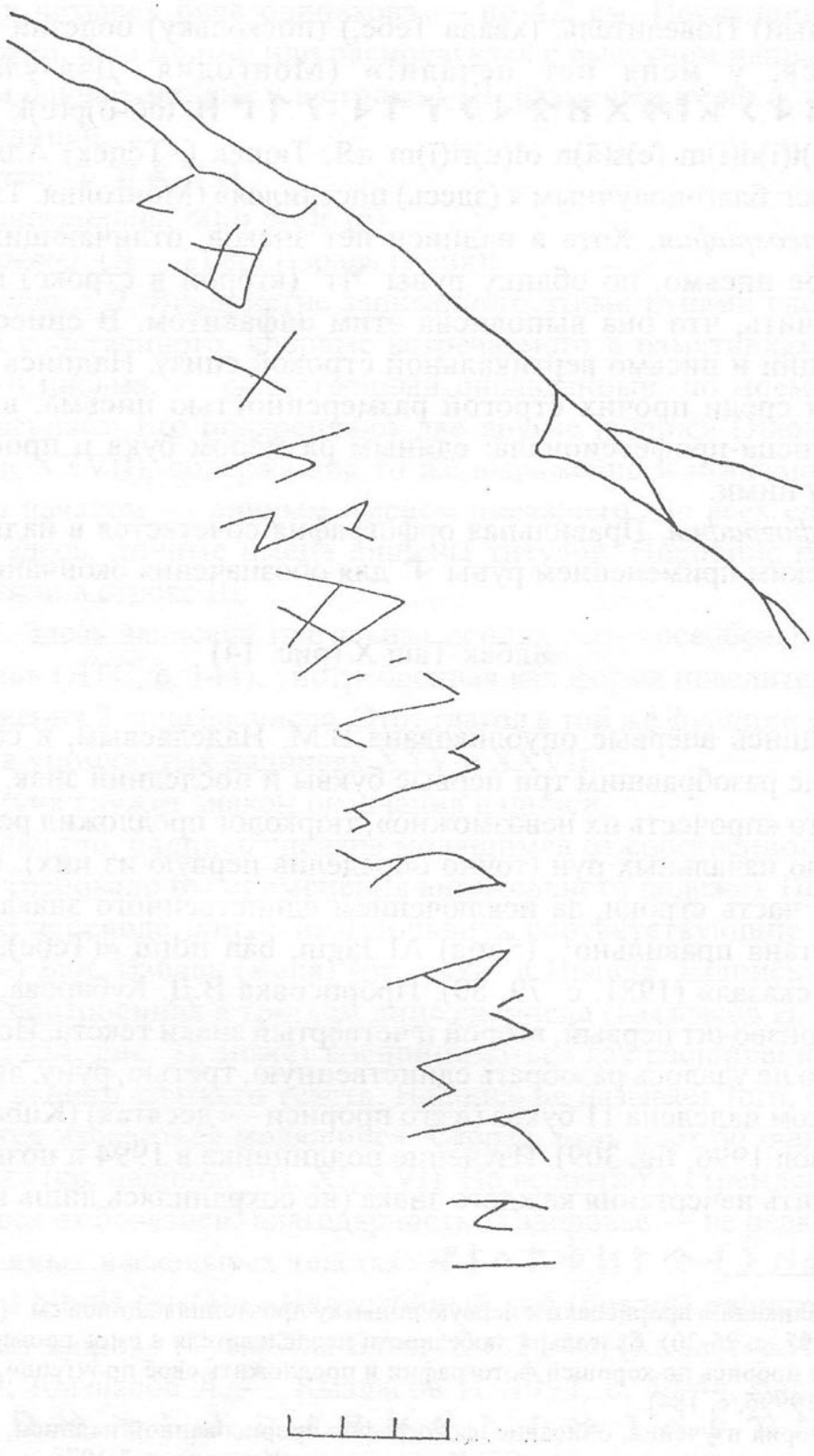
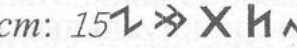

Рис. 14. Надпись Ялбак-Таш X.

на завершающей руны), включая не замеченную предшественниками словоразделительную отметку. Была издана прорисовка, предложено новое прочтение и перевод надписи (Кызласов И. 2001а, рис. 10,*1*).

Вертикальная строка, слегка изогнутая дугою и косо отклоняющаяся налево, имеет длину 21 см и состоит из 15 письменных знаков. Выписаны они ровно, твёрдою рукою. Высота букв в начале 1,9, в середине строки достигает 3, а в основном составляет 2,4 см.

Текст: *15*

Транскрипция: sül(ä)n j(e)g(ä)n {ä} : b(e)n t(e)d(i)m {ä}

Перевод: Я, Сюлен Йеген, сказал.

Разбор. 1-4. Слово sülän по виду — причастие прошедшего времени от глагола sülä= (ДТС, с. 517), дословно означающее «ушедший в поход». Здесь оно служит первым компонентом мужского имени. В хакасском языке — сӧле = «говорить», а сӱлен — «цапля».

5-7. Разбор слова jegän см. Ялбак-Таш III (2-4). Чуйские надписи отмечают три случая его употребления в качестве личного имени, наделенного тем или иным определением (ср. III и XIII). Синтаксическое единство словосочетания sülän jegän подтверждается выделением его в надписи с помощью словоразделительной отметки.

8, 15. Разделительное назначение знака (в первом случае) и семантически связанное с этим применение его для обозначения конца надписи (во втором случае) здесь несомненно.

9. Словоразделительная отметка в виде двоеточия редко употребима не только на горе Ялбак-Таш, но и в других рунических надписей Алтая. Применение его в нашей надписи излишне, двоеточие дублирует назначение буквы . Однако на скале оно вырезано ясно.

10-11. Написание здесь местоимения ben «я» и последующего глагола в форме 1 лица ед. числа позволяет полагать, что надпись сделана от имени Сюлен Йегена.

12-14. Этим знаками записан глагол te= «говорить, сказать», стоящий в прошедшем времени (=di=), 1 лице ед. числа (=m). В том же виде слово встретилось в надписи VII. Интересно применение te= на месте biti=: «сказал» вместо «написал». Такое известно

среди рунических надписей Алтая (Текпенек) (Кызласов И. 2001а, с. 257, рис. 10, *2*). Следует заключить, что появление наскальной надписи было следствием свершившегося у горы устного моления.

Надпись наиболее вероятно понимать так: «Я, Сюлен Йеген, сказал (здесь) (благое слово ~ молитву) (о чем и написал)».

Палеография. Надпись — несомненный образец енисейского письма. Наиболее значимым показателем является руна 10 (ᛒ b²), а также форма ᛘ m (14). Показательны индивидуальные особенности письма: облик знаков ᛇ j² (5) и ᚸ g (6). Они подобны рунам надписей III и V, что, вероятно, указывает на общее место обучения письму авторов всех этих текстов. Известно, что школы письма выделяются по почерковым особенностям письменных памятников. Вторым по значимости критерием служат орфографические признаки.

Орфография. Надпись выполнена в нормах классического рунического правописания. Её отличает только использование знака ᛦ в качестве разделительной и концевой отметок. Как говорилось, таков местный орфографический признак надписей Алтая и Северо-Западной Монголии.

Ялбак-Таш XI (рис. 10, *11*)

Надпись 11 упомянута В.М. Наделяевым среди двух плохо сохранившихся и нечитаемых кратких строк (1981, с. 79). Номер разбираемой строке дан мною ради сохранения общего порядка обозначения надписей (см. также Ялбак-Таш IX). Надпись опубликована дважды, в подтверждающих друг друга независимо выполненных прорисовках — в 1996 (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 309) и 2001 г. В последнем случае впервые дано её прочтение и перевод (Кызласов И. 2001а, с. 248, рис. 4, *2*). Два крупных, ясно и тесно начертанных знака, составляющие надпись, размещены вертикальной строкою, длиною 3 см. Высота их 3,1 и 2,8 см. Судя по расположению (рис. 7), надпись нанесена на скалу позднее вышерасположенных строк III-VII и соседней X, но ранее надписи IX.

Текст: 𐰉𐰍

Транскрипция: (e)ri

Перевод: Очистись (~ искупи грехи)!

Разбор. 1-2. В надписи VII (знаки 7-9) мы уже встретили мягкорядный вариант глагола erit= вместо более распространённого твёрдорядного arït= «чистить, очищать» (побудительная форма от основы arï= «очищаться») (ДТС, с. 51, 53, 179). На этот раз перед нами глагольная основа eri=, представляющая мягкорядный вариант глагола arï= «очищаться» и не зафиксированная «Древнетюркским словарём». Надпись использует её в повелительном наклонении 2 лица ед. числа. Уверенному прочтению способствует второй случай применения этой глагольной основы в строке XVI. Речь идёт о духовном очищении. Отсюда второй вариант перевода надписи.

Палеография. Надпись примыкает к окружающим наскальным текстам и заодно с ними может быть определена как енисейская. Об этом же говорит и письмо вертикальной строкою, направленной снизу вверх.

Орфография. Правописание классическое. Отсутствие особого знака для окончания текста не может препятствовать отнесению строки к местным для Алтая надписям, поскольку буква 𐰉 играет такую роль только при словах, оканчивающихся на согласный.

Вместе со строкой XVI надпись XI позволяет понять, что у священных скал молились и о духовном совершенстве вторых лиц. Возможно, такое моление, закрепляемое надписью, считалось наиболее сильным воздействием на заблудшие души.

Ялбак-Таш XII (рис. 15)

В первом автографическом воспроизведении надписи оказался пропущен второй знак текста. Понимание этой вырезанной кверху ногами строки (äd, aγï, kis-aŋ bärip… «Поднеся скарб, драгоценности, мягкую рухлядь…») основывалось на ошибочном направлении чтения, ряде неоправданных предположений об особом фонетическом значении знаков и новом смысле полученных слов (Наделяев 1981, с. 80, 81). В итоговую публикацию (Kubarev —

Jacobson 1996) эта надпись отчего-то не была включена. Новая прорисовка, прочтение и перевод строки XII осуществлены мною (Кызласов И. 2001а, с. 246, рис. 1, *3*).

На плоскости I это единственный текст, нанесенный горизонтально. Строка размещена вдоль верхнего края скалы и вырезана человеком, лежавшим на вершине на животе головой вниз. Для стоящего внизу читателя надпись оказалась кверху ногами. Подобное непривычное нам расположение рунических знаков встречаем ещё в трёх надписях Монголии — Шарбулак I/1 и Тэс I и II (Шинехуу 1971, рис. 2; 1976, рис. 3, 4; Кляшторный 1978, фото 1), одна из которых уже привлекалась при анализе строки IX чуйской скалы. Кверху ногами выбиты на втором монгольском камне и сопровождающие надписи тамги, что отвергает случайность странного для нас размещения текстов.

Анализируемая надпись состоит из 11 букв и занимает в длину 14,7 см. Высота знаков от 2-2,5 (однажды 3,6) до 1,5-1,6 (однажды 1) см. Все буквы вырезаны ясно, тонкими бороздами. Однако надпись непроста для понимания.

Текст: 𐰀10𐰇𐰋𐰃𐰉5𐰆𐰚𐰏𐰀𐰍

Транскрипция: (a)pa (e)r b(i)ŋ(ä)si (a)j(ï)γd²a

Перевод: Тысячный отряд Апа Эра, (пребывающий) во зле.

Разбор. 1-3. Эти руны наиболее трудны для толкования. С одной стороны, обозначение гласного 𐰀 указывает на открытый слог, т.е. завершенность слова, записанного знаками 1-2. Тогда это — apa, титульная часть мужских имён, нередкая для енисейских надписей, а руной 3 записано слово er, в эпоху рунического письма обозначавшее свободного полноправного мужчину. С другой стороны, по известным материалам, apa не выступает первым компонентом имён, как и er не бывает последним (ДТС, с. 47, 175, 464). Вместе с тем, оформление последующего слова аффиксом принадлежности 3 лица (=si) не оставляет сомнения, что знаками 1-3 обозначен первый компонент изафетной конструкции: личное имя или обозначение обладателя.

Во избежание соблазна исторического плана оговорюсь, что видеть здесь запись этнонима apar² «авары» (написанного через букву для мягкого согласного) нет оснований. Для такой записи

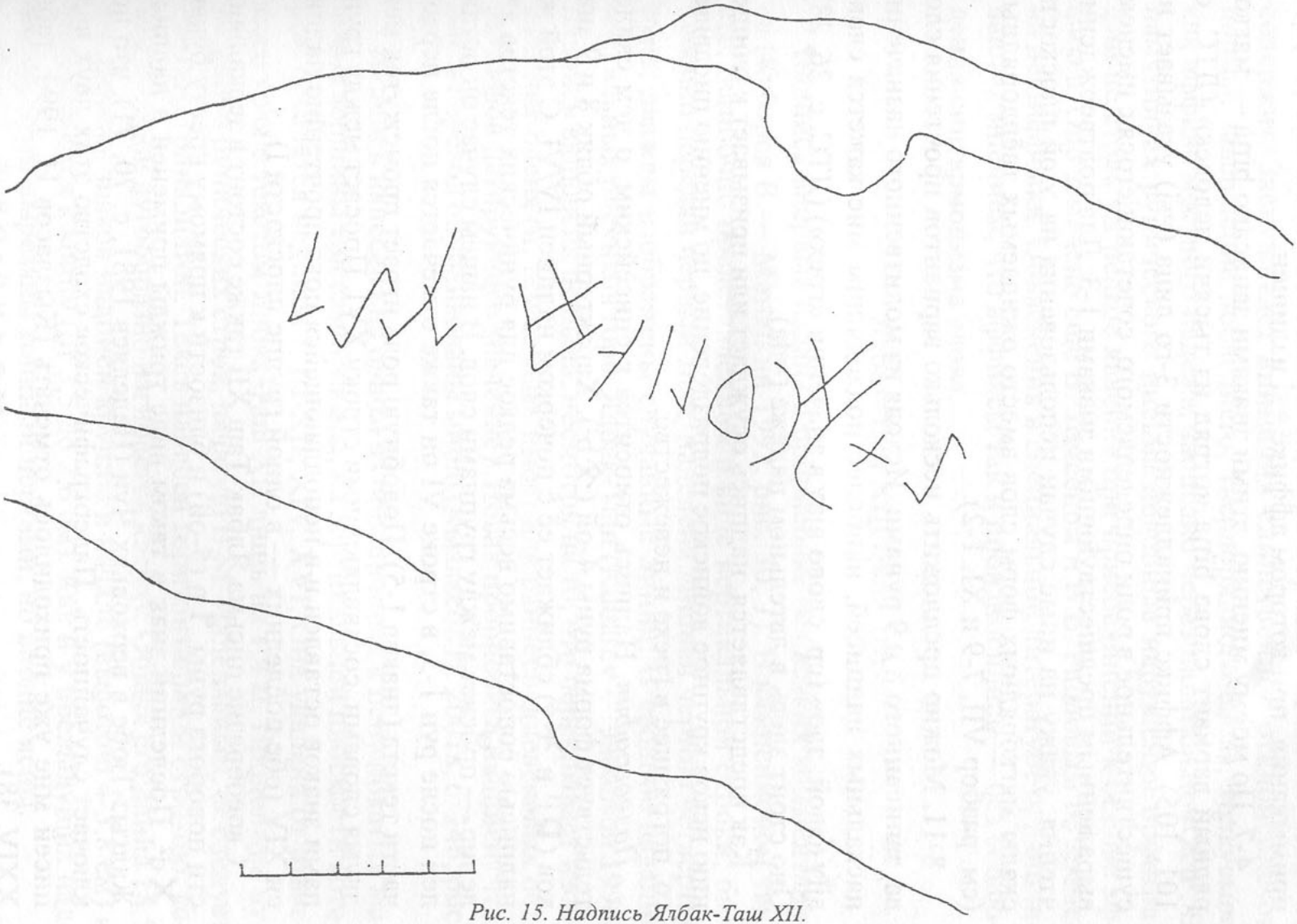

Рис. 15. Надпись Ялбак-Таш XII.

достаточно было бы простого грамматически неоформленного примыкания, при котором аффикс =si излишен.

4-7. По моему мнению, этими знаками записано biŋä — мягкорядный вариант слова bïŋa «отряд из тысячи человек» (ДТС, с. 101, 105). Аффикс принадлежности 3-го лица (=si) указывает на существительное в роли определяемого, сочетающегося с именем, выраженным предшествующими знаками 1-3. Для подтверждения чтения, укажу на иные случаи использования на этой плоскости скалы мягкорядных форм слов вместо ожидаемых твёрдорядных (см. разбор VII, 7-9 и XI, 1-2).

8-11. Можно предложить несколько вариантов прочтения слова, записанного 8 и 9 рунами. Исходя из молитвенного назначения наскальных надписей, наиболее подходящим мне кажется слово ajïγ «злой; зло» (ср. слово ajaγ в значении «грех») (ДТС, с. 26, 28). Оно стоит здесь в дательном падеже (=da).

Как представляется, надпись осуждает или призывает к очищению некое крупное воинское подразделение, по мнению писавшего, погрязшее в грехе и невежестве.

Палеография. Надпись относится к енисейским, о чем свидетельствует форма руны 4-ой (ᛒ b²). Характерный облик 8 и 9 знаков (ᛞ j¹ и ᚹᛁᚲ γ) сближает её с почерком надписи IV/VI. С этой же надписью сопоставимо весьма редкое для рунических текстов явление — просвет между группами слов. В нашем случае он оставлен после рун 1-3, в строке VI он также отмечается после первой части текста (знаков 1-5). Подобную роль играет промежуток меж двумя словами, составляющими строку XVI. Просвет между группами знаков оставлен и в неподдающейся пока прочтению надписи XIV (обе последних — в одной группе плоскости I).

Своеобразие письма Ялбак-Таш XII также состоит в зеркальности поворота руны ᛩ η (5-ой) и близости к прямому кресту буквы ᚷ d². Последний знак в таком виде трижды применен в надписи Жалгыз-Тюбе в верховьях Чуи (Наделяев 1981, с. 70, 71), что исключает случайность. Палеографическое сходство этих двух надписей мне уже приходилось отмечать (Кызласов И. 1994, табл. XXIV, 38).

Орфография. Правописание надписи классическое, никаких

орфографических особенностей, характерных для Алтая, текст не содержит. Заслуживает внимания единственное отклонение от нормы: завершение последнего, твёрдорядного слова, толкуемое как аффикс местного падежа, записано через палатальное ᚷ d². В памятниках рунического письма подобные нарушения орфографии не столь уж редкое явление при присоединении к основе аффикса. Оно замечено ещё В. Томсеном и В.В. Радловым во времена дешифровки. Объяснения в специальной литературе ограничиваются мнением, что аффиксы так и произносились — без соблюдения сингармонизма слова.

Ялбак-Таш XIII (рис. 16)

Надпись впервые издана в прорисовке без всяких комментариев (Кубарев В.— Маточкин 1992, рис. 30, *1*). В камнеписном тексте, ошибочно представленном в виде вертикальной строки, был неверно передан первый знак, наделена лишней чертою четвёртая руна, дважды изображены случайные линии. В сводное издание наскальных рисунков горы Ялбак-Таш (Kubarev — Jacobson 1996) надпись включена не была, несмотря на то, что перекрывает изображение оленя (и, тем самым, имеет для раннесредневековых петроглифов датирующее значение). Новая прорисовка надписи, чтение и перевод опубликованы мною (Кызласов И. 2001а, с. 246, рис. 2).

Надпись нанесена на одном из обращенных к небу покатых выходов вершины той самой скалы, на вертикальной плоскости которой находятся надписи I, III-XII, XIV, XVI. Она удалена от отвесного края с текстом Ялбак-Таш XII лишь на 1,4 м. Продолжая нумерацию рунических строк, начатую В.М. Наделяевым, её следует считать тринадцатой. Текст нанесен горизонтальной строкою, конец которой дугообразно изгибается кверху. Общая его длина 18,5 см. Восемь знаков надписи крупны в начале (высотою 4-3,8 см) и уменьшаются к концу (от 3,5 до 2,6 см). Как и у предыдущих надписей, руны вырезаны тонкими чертами, но вполне ясны.

Текст: ᛉᚴᛈ5ᛇᚼᚨᛏᛉ

Транскрипция: (e)r (a)tï (e)l j(e)g(ä)n {ä}

Перевод: Его геройское имя — Греховный Йеген.

Разбор. 1-3. Распространённое в енисейских эпитафиях словосочетание, второй компонент которого всегда снабжён аффиксом принадлежности 1 лица ед. числа (=m). Своеобразие нашего случая — показатель принадлежности 3 лица (=ï): «его геройское имя, его имя эра». В таком виде это выражение встречено на Алтае ещё дважды: в наскальной надписи Адыр-Кая и на стеле Талду-Айры (Наделяев 1981, с. 66-69; Кызласов И. 1997а, с. 57-61, рис. 7, 8; 2001а, с. 248, рис. 7).

4-7. Записанное здесь личное имя, первый компонент которого (el «греховный») является значимым определением ко второму (jegän «племянник»), как мы уже видели, составляет надпись Ялбак-Таш III.

8. Последний знак не имеет звукового значения, а отмечает окончание надписи.

По-видимому, надпись свидетельствует о том, что верующие молились у скалы не только о себе, но и о других людях, имена которых указывались (ср. грамматическую форму и содержание надписи Адыр-Кая). Любопытно, что имена, содержавшие компонент jegän встречены на Ялбак-Таш трижды (III, X, XIII).

Палеография. Енисейская принадлежность надписи определяется формой буквы ᛏ t¹. Явное сходство букв ᛇ j² и ᛉ g этой строки с надписью III, содержащей такое же имя, не даёт, однако, оснований заключить, что их нанёс один человек. Во-первых, руны того же облика встречаем и в строках V и X, во-вторых, в нашей надписи речь идёт не об авторе надписи, как это можно полагать в отношении строки III.

Орфография. Классическое руническое правописание надписи дополняется характерным для алтайского варианта обозначением конца текста буквой ᛦ.

Плоскость II

Эта плоскость является отдельным, вторым с западного края, выступом той же части горы, что и плоскость I. Она соседит с ней с востока. На обращенной к западу грани скального выступа, со-

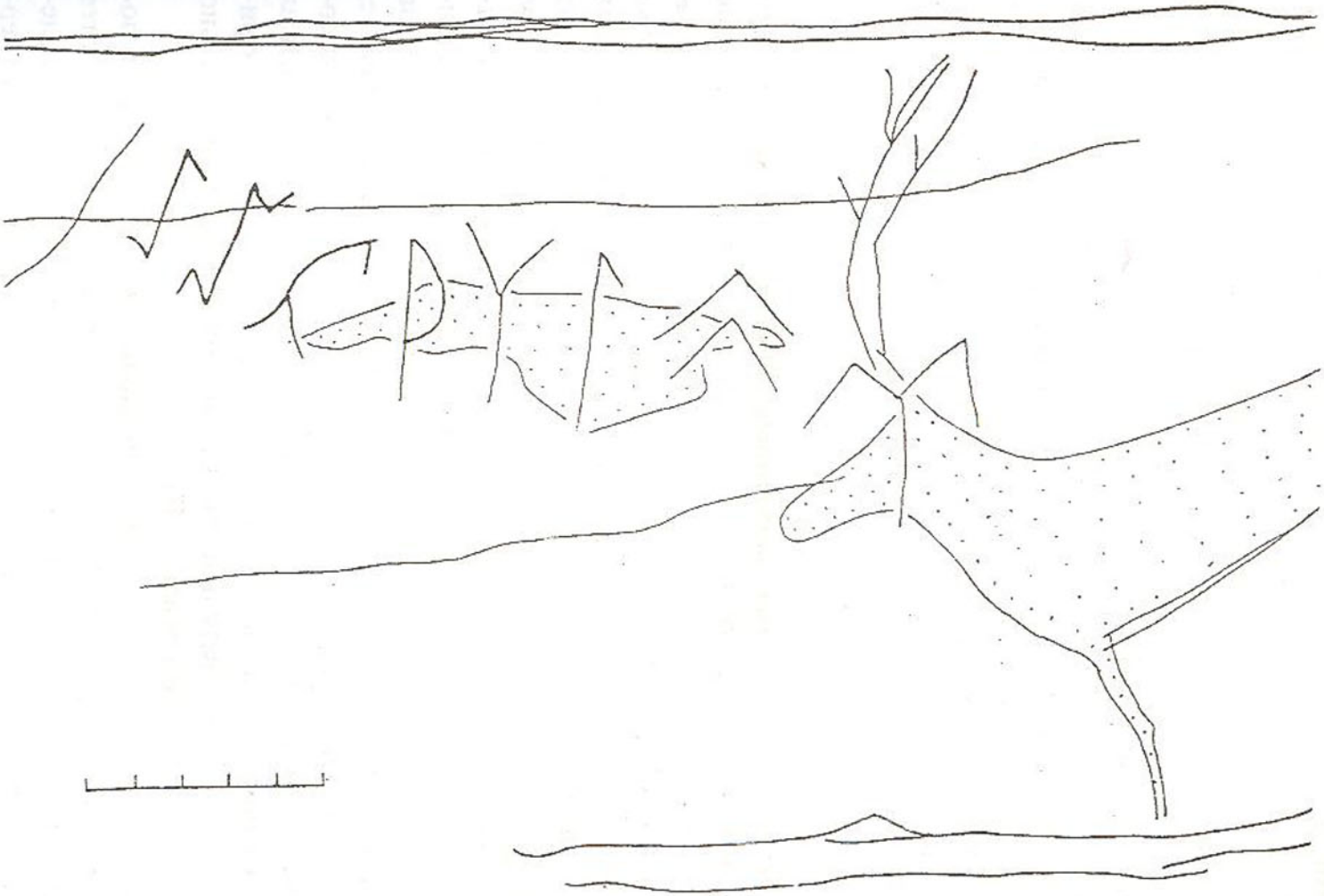

Рис. 16. Надпись Ялбак-Таш XIII.

ставляющей угол с плоскостью I, среди прочих изображений примечателен вырезанный образ манихейского Сатаны (Кубарев В. 1992; Кызласов Л. 1999, с. 37, рис. 11). На южной поверхности выступа находятся три рунических надписи (II/XV, XXX и XXXI). В нижней части небольшого экрана, имеющего узкую треугольную форму и изрезанного косыми трещинами породы, вырезаны две вертикальных строчки, составляющие один текст (II и XV) (рис. 17), а несколько выше и правее их — другая вертикальная строка (XXX). Ещё дальше от земли вырезан единственный рунический знак — самая короткая надпись местонахождения (XXXI). Общая высота скального выхода 2,9 м, ширина плоскости 1 м.

Ялбак-Таш II/ XV (рис. 17-18)

Две строчки, некогда вырезанные одною рукою, расположены обособленно. Одна строка (та, что длиннее и слева) в публикации В.М. Наделяева получила номер 2, о другой сказано: «На фотографиях второй надписи неясно просматривается короткая строчка (2-3 неопределённых знака справа от надписи), не замеченная мною при прорисовке; эта дополнительная строчка оставлена пока без расшифровки» (1981, с. 73). На таблицах В.Д. Кубарева зафиксированы обе строки, но прорисовки отразили не относящиеся к ним черты и не передали ряда различимых в подлиннике деталей (Kubarev — Jacobson 1996, section I, fig. 6). Следуя за нумерацией В.М. Наделяева и за размещением надписей на скале, новую строчку нужно отметить номером XV. Поскольку она составляет единый текст со строкою II, целесообразно закрепить за ними единое обозначение Ялбак-Таш II/XV, а строки рассматривать в той последовательности, как они писались (первоначально правая — XV, затем левая — II).

Строки размещены вертикально вдоль левой грани у самой подошвы скалы (строка I (XV) в 16,5 см, а строка II в 18 см от грунта — рис. 17). Нет сомнения в том, что писавший опустился на колени и склонил голову. Общая длина строки I достигает 9,7 см (первоначально, вероятно, 10,2 см), а строки II — 21,4 см. Первая на-

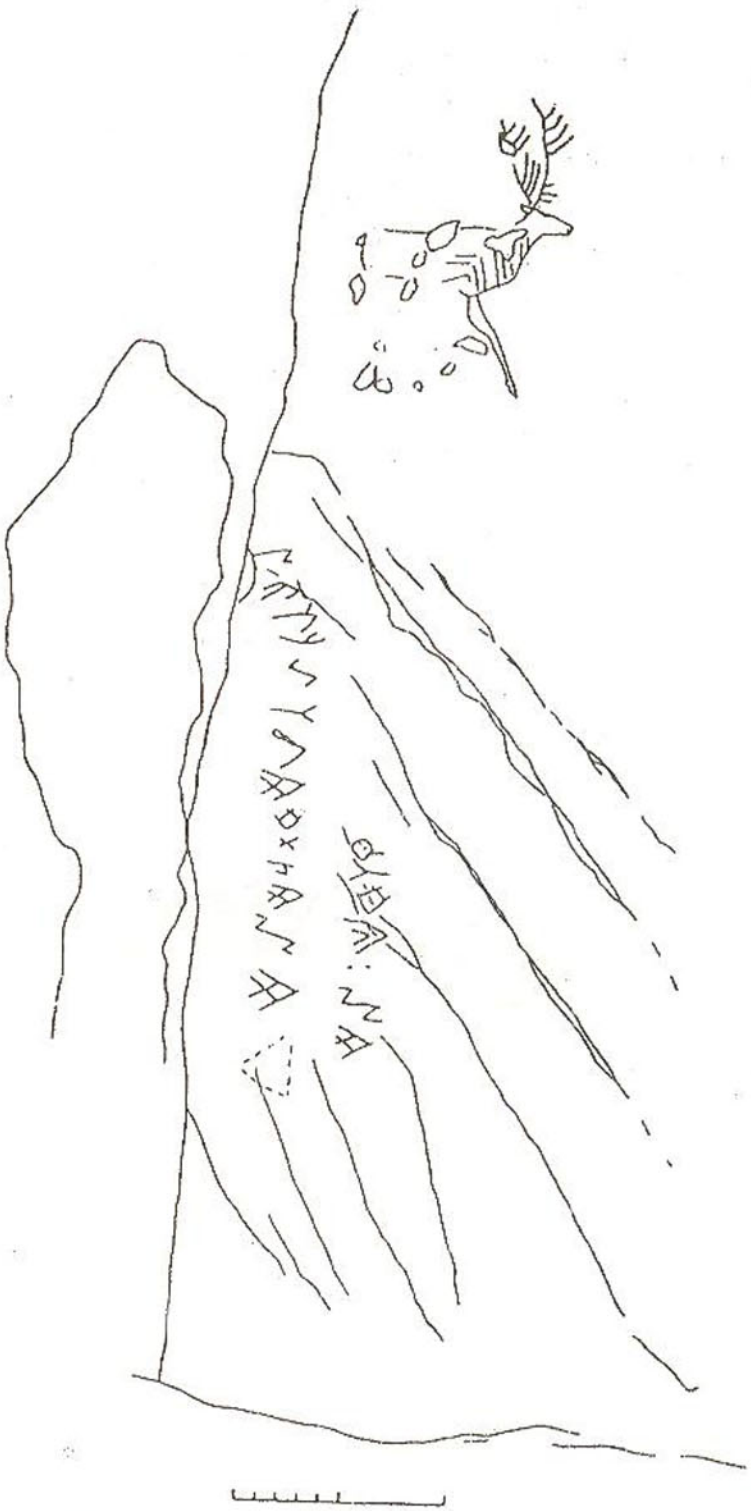

Рис. 17. Ялбак-Таш. Плоскость II. Расположение строк II (слева) и XV (справа), составляющих одну надпись.

Рис. 18. Надпись Ялбак-Таш II/XV, состоящая из двух строк.

считывает 6 букв (высотой от 2,4 до 1,6 см), вторая составлена из 14 (высотою от 2,4-2,6 до 1,3-0,9 см).

Попытка прочтения В.М. Наделяевым строки II (1981, с. 76), не даёт связного текста: Ben bitidim: Beš ača (~ Beš el). Al Jegin «Я написал: пять родственников (~ пять элей). Ал Егин (имя собственное, букв. «Рыжий племянник»)». Коль скоро в эпиграфике прочтение полностью зависит от восприятия подлинника, следует сказать, что тюркологу не удалось хорошо рассмотреть на скале четыре руны в конце строки. Он не был уверен в точности изданной им прорисовки. Буквы 12 и 14 на ней дополнены домысливаемыми линиями, возможности различного понимания одних и тех же начертаний оговорены в тексте. Так, для буквы 12 допускались значения g и r^2, для 13 — i/ï и s^2, для 14 — n^2 и ö/ü. В интересах прочтения руна 9 произвольно транслитерировалась как č, хотя допускалось и восприятие её как l^2. Предполагалось, что знаки 13 и 14 не сохранились полностью.

Прорисовка надписи, изданная В.Д. Кубаревым, значительно точнее. Но в ней наделены лишними чертами руны 13 и 14 строки II (не относящаяся к тексту борозда показана и перед первой буквой), нет левых нижних отводков у знаков 2 и 6. В строке I (XV) огрехов больше — относительно точный вид лишь у трех рун (1, 3 и 5) из шести. Новые прорисовки текста, его фотоснимки, прочтение, перевод, филологические и исторические комментарии опубликованы мною (Кызласов И. 1999, с. 108-115, рис. 5-8; 2001а, с. 248). Надпись вырезана уверенно, хотя и тонкими, но твёрдыми и ясными резами. Сохранилась она хорошо — частичные повреждения имеют только три знака (I, 6, II, 8, 12).

Текст:

I.

II.

Транскрипция:

I. b(e)n (a)t(a)mačï

II. b(e)n b(i)t(i)d(i)m b(e)š (i)lä k(i)rgü

Перевод: (I) (Поскольку) я не должен произносить имя (Божие), (II) я написал (это) пятью (пальцами), (для того ~ для письма) предназначенными.

Разбор. I, 1-2. Личное местоимение 1 лица ед. числа ben. Между второй и третьей рунами на затертой скале существует просвет, где можно усматривать словоразделительный знак в виде вертикального двоеточия (это и было мною сделано в полевых условиях, что отражено в дневнике и на издаваемых прорисовках). Ныне, при учёте синтаксиса текста, присутствие здесь словоразделя не кажется необходимым. Показательно, что более нигде в надписи такой знак не применяется.

I, 3-6. Причастие будущего времени со значением должествования, образованное от глагольной основы ata= «называть, упоминать, произносить имя» (ДТС, с. 66) при помощи аффикса =čï, и имеющее отрицание =ma=. Поскольку формы изъявительного наклонения состоят из причастия и личного показателя, можно думать, что последующее слово текста, начинающее строку II, и есть такой аффикс, а вся фраза разделена переносом заключающей части во вторую строку и имеет полный вид: ben atamačï ben. Тогда перед нами довольно редкое для раннесредневековых письменных памятников употребление так называемого будущего категорического (или абсолютного будущего) времени со значением должествования, обычно образуемого именно от отрицательной формы глаголов (ДТС, с. 650; Кононов 1980, с. 190, § 342, 343). Размещение надписи в две строки, вероятно, вызвано близко начинающимися за руной I, 6 трещинами — естественными разломами горной породы (рис. 17).

II, 1-2. В связи со сказанным можно заключить, что этими рунами здесь записано не личное местоимение 1 лица ед. числа, а личный аффикс полного вида. Следует, однако, указать на аналогично построенные формулы, в которых ben, без сомнения, является местоимением. B(e)n b(i)t(i)d(i)m {ä} — читается, например, верхняя из трех наскальных надписей с р. Чарыш, изданных Г.И. Спасским (1818, с. 77, 78, табл. II, *4*) (ср.: Тенишев 1958, с. 63, 64). См. разбор надписи XIX, 7-8.

II, 3-6. Стандартная для наскальных надписей формула «я написал» — вероятно, своего рода представление божеству свершившего ритуал лица. Только на скале Ялбак-Таш она встречена ещё четырежды (XVIII, XIX, XXIII, XXVIII), на Алтае известна и для

надписей Чарыша, Мендур-Соккона и Бичикту-Бома. Обычно она сопровождается мужским именем, но бывает и безымянной (Ялбак-Таш XXVIII, Чарыш) или имеет анонимные указания на принадлежность писавшего к греховному и бренному человечеству (Кызласов И. 1994, с. 189, 191, 192, 194, 197, рис. 21, 29; 1997, с. 180, 181, рис. 8). Последнее, свойственное и разбирает тексту, указывает на резчиков как на приверженцев мировой религии. В Южной Сибири ею было манихейство.

II, 7-10. Числительное beš «пять» и послелог ilä «с». В сочетании с именем послелог соответствует русскому творительному падежу (ДТС, с. 207). Существительное во фразе не обозначено. И хотя в религиозной систематике восточного манихейства, как и буддизма, число пять обычно для обозначения различных мировоззренческих категорий (пять миров, пять богов, пять родов живых существ, пять сортов трав и деревьев и т.п.) (ДТС, с. 96; Малов 1951, с. 120, 123, 125: Chuastuanift, стк. 32-40, 103, 148, 149), из контекста нашей надписи ясно, что речь здесь идет о пальцах руки.

II. 11-14. Несмотря на повреждение правой части знака 12 облик слова ясен. В общем виде существует несколько вариантов его прочтения (kergü, kerägü), но, исходя из контекста надписи и обрядового смысла писания на скалах, единственно подходящим является причастие kirgü, образованное от многозначного глагола kir= «входить». Причастие абсолютного будущего времени на =gü, обычно передающее должествование или возможность, здесь означает «имеющий отношение, предназначенный». Ср. в «Древнетюркском словаре» (с. 308, 654) перевод фразы буддийского текста уйгурского письма: burson quvraγlarnï aγzïna kirgü jem ičim «пища и напитки, предназначенные для (монашеской) общины». В надписи kergü относится к числительному beš, подразумевающему пальцы писавшего.

Палеография. Перед нами типичное енисейское письмо. В этом убеждает форма букв b^2 (I, 1; II, 1, 3, 7), t^1 (I, 3) и m (I, 4; II, 6), применение буквы $š^2$ (II, 8). Особенностью надписи служит буква t^1 (I, 3), образованная углами разной величины. Обе строки вырезаны одной рукою: ср. b^2 с длинными верхними отвод-

ками (из которых левый длиннее правого, а начало правого выходит за вершину угла — I, 1; II, 1, 3, 7) и малым нижним углом (особенно I, 1; II, 3); n² в правом повороте (I, 2; II, 2), с примыканием отводков к окончаниям ствола; m с крупным центральным ромбом и короткими выходами за его пределы черт левой стороны (I, 4; II, 6).

Орфография. Орфографическая характеристика полностью согласуется с палеографической. Своеобразие публикуемой надписи состоит в отсутствии словоразделительных отметок и, прежде всего, столь характерного для алтайской эпиграфики в этой роли знака . Единственный случай его применения (II, 10) имеет звуковое значение.

Из трёх десятков строк, вырезанных на скале Ялбак-Таш, только эти две выполнены правильным енисейским алфавитом в классических орфографических нормах — остальные нанесены алтайским вариантом енисейского письма или с характерным местным правописанием. Вполне вероятно, что изучаемая надпись оставлена пришлым древним хакасом.

Исторический комментарий. При учёте подобных эпиграфических материалов (Кызласов И. 1994, с. 186-191, 195-197) причины нанесения на скалу надписи устанавливаются определённо — это личная отметка о совершенном здесь молении. При осмыслении первой строки исхожу из идеологической принадлежности раннесредневекового южносибирского общества (Кызласов Л. 1998, 1999, 1999а, 2001) и религиозного назначения наскальных енисейских рунических надписей (Кызласов И. 1997, 2001а). В обеих сферах с 60-х гг. 8 в. господствовало манихейство.

Выясняя, почему автор не мог назвать некое, вероятно, священное, божественное имя, обратимся к тексту 12-го раздела манихейского трактата «Кефалайа» «О толковании пяти слов, которые возглашаются [[повсеместно (?)]] в мире». Несмотря на плохую сохранность оригинала, издатели и переводчица, восстанавливая содержание лакун в квадратных скобках, читают: «[[Первое слово — Отец, Бог истины, которого еще]] // называют таким именем: Отец, [[первое Стояние,]] // сей Безымянный, (о) котором никто [[не знает, как (?)]] <...> его имя» (Кефалайа, 44,

32-35). Е.Б. Смагина полагает (1998, с. 306, прим. 44.27-45.15, с. 435), что Безымянным предстает здесь верховное божество, иначе именуемое Отцом или Отцом величия, и возводит интересующее нас определение «сей Безымянный» к наследию гностицизма в манихействе.

Подтверждение безымянности божества у манихеев находим в изложении Мухаммадом аш-Шахристани (1086-1153 гг.) основных черт маздакизма — идеологического и социального течения 5 в. Его связь с манихейством отмечалась младшими современниками самого движения. Согласно источникам средневекового персидского религиеведа, по представлениям Маздака, Имя Наивысшего неведомо, его составляют буквы, известные лишь «царю высшего мира». Тому, кто сможет себе представить, хоть что-нибудь об этих буквах, будет тем самым открыта великая тайна. Возможен и обратный путь постижения: имя божества становится известно только человеку, обретшему высшую тайну. Всяк, кому этого не дано, остается в ослеплении невежества, забвения, тупости и горя (Пигулевская 1956, с. 285, 286).

По манихейской доктрине, известной из иных текстов, для постижения божественной тайны мало быть даже праведником из праведников. В каждый исторический период она открывается лишь одному человеку, земному воплощению божественного разума, ради его особого назначения — воссоздания истинной веры. Обладая совершенным знанием, изведав неизреченные истины, носитель откровения (в западном манихействе именуемый Учителем или Апостолом) не может открыть их даже своим ученикам. Таким пророком, последним в вековечной цепи, и считал себя Мани (Смагина 1998, с. 367-370).

Выходит, ни один манихей не мог знать Наивысшего Имени, и для любого верующего божество оставалось безымянным. Вероятно, поэтому в руни́ческих надписях продолжает употребляться старое, восходящее к общетюркскому язычеству наименование божества — täŋri (Туба II, Тепсей VI, Гурвалжин-ула и др.), täŋrikän (Тепсей, пещера, I) или применяются описательные обозначения, типа: täŋiri qanïm «Небесный (~ Божественный) Повелитель» (Дэл-ула I), atam «мой Отец» (Ялбак-Таш V), uγan «Всемогу-

щий» (Купчегень), qara kerkü täŋrikän «Божественный (Владыка), который должен преградить (дорогу) Тьме» (Хутук-ула I). Нередко в надписях бог вообще не назван, а лишь подразумевается: читая и переводя камнеписные строки, приходится ныне дополнять их (Крес хая; Лисичья I; Тепсей, пещера, III; Ялбак-Таш IX, XXV, XXVII, Адыр-Кая I, Бичикту-Бом II/1, 2) (Кызласов И. 2001а, с. 251, 252).

Следуя этим представлениям, автор надписи Ялбак-Таш II/XV утверждает, что ему не дано назвать божественное имя. Этим он подчеркивает свое духовное невежество и несовершенство. Перед нами особая форма религиозного самоуничижения, столь свойственного енисейским руническим надписям манихейской принадлежности (Кызласов И. 1994, с. 189, 191).

Историко-культурные выводы. С позиции истории культуры наибольшее значение имеет вторая строка камнеписного текста: «Я написал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)». 14 рунических знаков выражают целую этическую доктрину. По представлению писавшего человеческой руке дано различное предназначение. Такой взгляд подтверждается прочими руническими памятниками: у одних людей правящая длань (каганские орхонские эпитафии), у других — покорная сюзерену десница, владеющая копьём и мечом (надпись Кюль-тегина, енисейские эпитафии), у третьих — персты, привычные к церемониальным жестам посла (енисейские эпитафии), и несуетным движениям советника (надпись Тоньюкука), на руки четвёртых возложена забота о семье (женская доля, отражённая в эпитафиях). Следуя надписям, разделяющим общество на бегов-князей и бодун-народ, осознаем стоящее за этим деление занятий на благородные и низменные. Значит, были руки, предназначенные ходить за скотом, держать плуг или серп, орудовать молотом и напильником. В этом перечне ничто не удивит нас, пойди речь о всяком раннесредневековом обществе Евразии. Естественен он и для тюркоязычных народов эпохи рунического письма. Однако надпись Ялбак-Таш II выявляет и другое известное этому обществу назначение человеческих рук, не отмеченное в иных местах. Перед нами нравственность человека, видевшего своё предназначение в овладении зна-

нием и письменностью, т.е. мораль профессионала-интеллигента (Кызласов И. 1999).

Литературоведческий аспект. Литература древности на этапе, непосредственно предшествующем раннему средневековью, уже соединяла в себе элементы словесности многих стран и народов, прежде всего восточных. Связь разноплеменных идей и образов отличает и все последующие ступени развития литератур на свете, вплоть до возникновения мировой литературы в XVIII-XIX вв. (Брагинский 1973, с. 16-19). Литературный синтез присущ также и памятникам древнетюркской рунической письменности, в особенности, как выясняется, наскальным.

Глубину этих связей, восходящих к эпохе появления письма на земле, ярко демонстрирует изучаемая енисейская надпись. Она содержит архаичную формулу характеристики профессионального писца, известную ещё древневосточной литературе. Сравним текст строки Ялбак-Таш II с колофоном египетской «Сказки потерпевшего кораблекрушение», папируса времен XII-XIII династий Среднего царства (20-17 вв. до н. э.): «Доведено сие от начала // до конца — как было найдено написанным // в писании писца, искусного пальцами своими, сына Амени, // да будет он жив, невредим и здрав!» В литературе Древнего Египта эта формула прожила века — её же встречаем в частично сохранившемся колофоне повествования «Взятие Юпы» (Новое царство, XIX династия, 13 в. до н. э.): «Доведено сие до конца // ради души искусного своими пальцами войскового писца...» (Поэзия и проза Древнего Востока 1973, с. 37, 38, 68).

Этот случай поражает ум осознанием единства и устойчивой преемственности передневосточной литературной традиции. Уцелев на протяжении двух с половиной тысячелетий, она, невзирая на смену языков, народов и царств, стала достижением вселенской культуры и вместе с вавилонскими писаниями Мани достигла Южной Сибири. Особенно важно, что текстуальное сходство трёх наших разновременных письменных памятников питается одними общественными соками: сословным самосознанием людей, профессиональной сферой деятельности которых была образованность.

Ялбак-Таш XXX (рис. 19)

Никем до сих пор не изданная вертикальная надпись вырезана в 50 см правее и на 36 см выше строки XV. От современного грунта она удалена на 58 см и состоит из 11 знаков. Длина строки 15,8 см, а высота букв удивительно одинакова: за исключением пары случаев — 2,5 см. Руны выписаны тонкими и ясными бороздами, однако часть их попорчена позднейшими выбоинами, и облик букв 7-9 разобрать нельзя. Испорчен и знак 4-й.

Текст: 𐰴 10 (𐰚?) 𐰺 (𐰞?) 𐰍 * (𐰃?𐰞?) 𐰍 ⊙ 5 𐰍 𐰋 𐰴 𐰇 𐰚

Транслитерация: r²s²ä(a)t²gŋ¹g(i?ök?)*g(i?)l²(r²?)ä(a)

Ни прочтения, ни перевода предложить не удаётся. Следует ещё раз исследовать подлинник. В палеографическом отношении надпись интересна прямолинейной формой 𐰍 g (знак 5) и употреблением очень редкой для Алтая руны в виде круга (без точки в середине, знак 6-й).

Ялбак-Таш XXXI (рис. 20)

Единственный знак 𐰚 начерган на скале на 97 см выше строки II. Расположение буквы соответствует вертикальной строке. Вырезанная широко и свободно (высота 2,5, ширина 3 см), она читается (e)r. Слово в ту эпоху обозначало свободного, полноправного мужчину. Я бы общетюркское слово er не переводил, поскольку обычно подбираемые для него слова из других языков, скорее указывают на половую и возрастную принадлежность человека, чем на его социальное положение. В русском языке наиболее точное отражение имеет слово «муж» в том смысле, который хранят памятники древнерусской письменности (скажем, «Русская правда»). Поэтому и перевод В.В. Радлова и С.Е. Малова («герой») представляется мне точнее прочих.

На скалах Саяно-Алтайского нагорья лаконичные надписи, содержащие лишь этот весьма значимый в раннем средневековье сословный термин, нередки. Судя по надёжным литературным и архивным данным, кроме нашего случая, они известны еще на трёх горах в Хакасии (Тепсей, Майдаши, Перевозная) и на одной в Туве (Хая-Бажи XIV) (Кызласов И. 1999, с. 101, 102).

Рис. 19. Надпись Ялбак-Таш XXX.

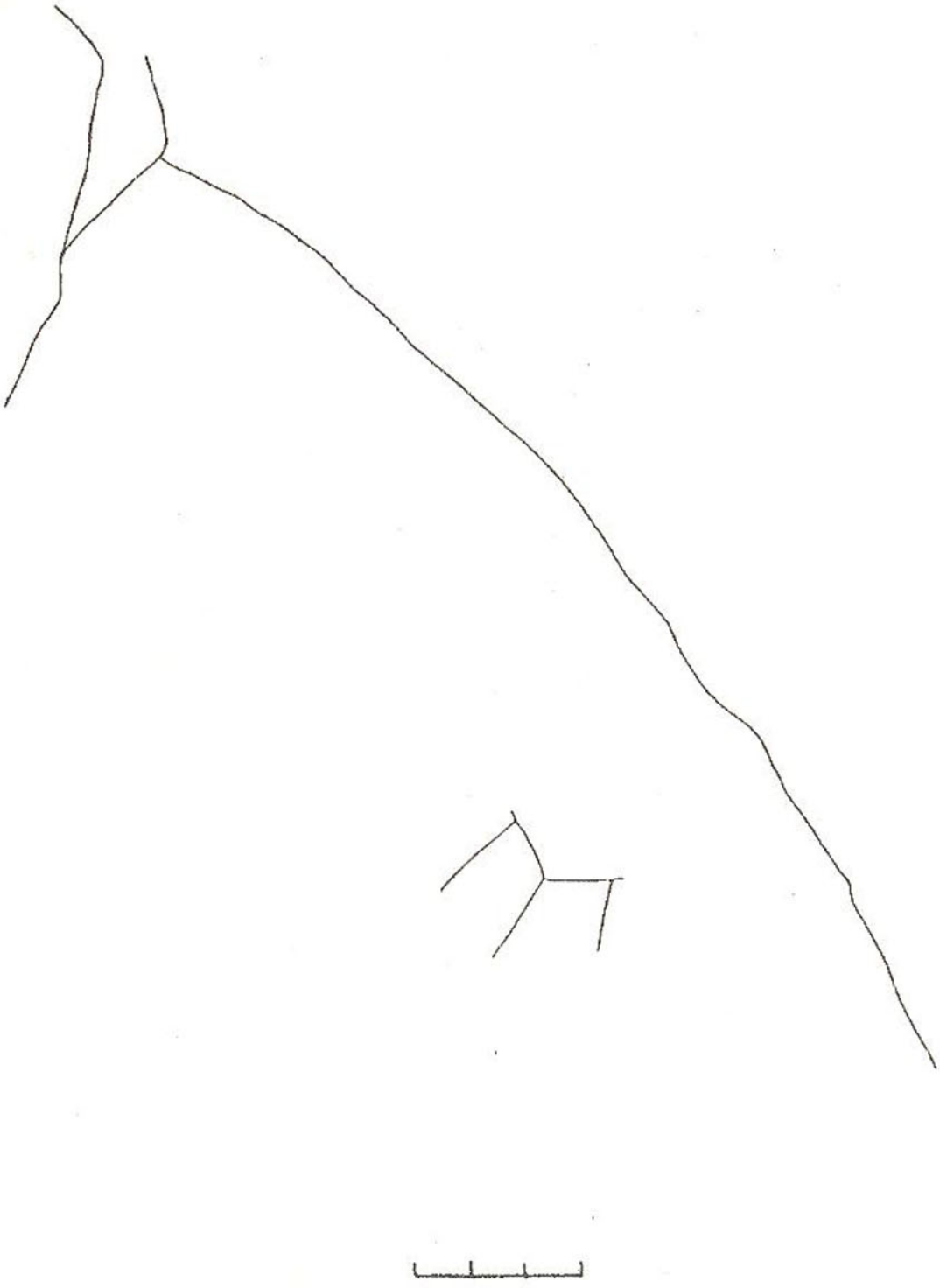

Рис. 20. Надпись Ялбак-Таш XXXI.

Вероятно, всюду — это не содержащие указания имён личные мужские подписи. По сути, по отражённому в них мировоззрению безымянной личности, они, думается, сопоставимы с более развёрнутыми снисейскими надписями, которые вместо имён указывают лишь на принадлежность писавшего к грешному человечеству[8]: 𐰴𐰉𐰍𐰃𐰠𐰃𐰚 kiši oγl(ï)η «твой сын человеческий» (Алтай, Бичикту-Бом II/2) (Кызласов И. 1996, с. 128, рис. 2; 1997, с. 180, 181, рис. 8; 2000, с. 90-97, рис. 4-7), 𐰃𐰴𐰍𐰆𐰃𐰉𐰴𐰣 t(ä)ηri qulï «раб Божий» (Монголия, Гурвалжин-ула) (Кляшторный, 1978, с. 155, фото 2) или 𐰴𐰍𐰆𐰋𐰃𐰇𐰃 isiz qul «недостойный раб (Божий)» (Тува, Хая-Бажи X, E 24/10) (Кызласов Л. — Кызласов И. 1994, с. 40-44, рис. 6, 7).

Аналогии позволяют заключить, что надписи, состоящие из одного слова 𐰉𐰍 (e)r «эр», оставлены людьми, подчёркивавшими свою обыденность и, как следствие этого, бренность и греховность, т.е. манихеями. Они были уверены: бог знает того, кто к нему обращает молитвы.

Плоскость III (рис. 21)

Скальная плоскость с 13 руническими надписями обращена к югу и находится на высоте 2,5 м над подошвой горы. Некогда под нею была полка, вероятно, плавно поднимавшаяся от основания. В результате современных взрывных работ при расширении тракта от неё осталась короткая часть, шириною 55 см, выклинивающаяся у края плоскости. Скала стала отвесной. Небольшая трапециевидная поверхность, использованная для письма, имеет высоту 155 см. Она сужается кверху от 115 до 93 см (а фактически, за вычетом выкола в левом углу, до 68 см). Ширина панно в центральной части составляет 105 см.

До создания надписей здесь были вырезаны три фигуры оленей, одна из которых в свою очередь перекрыла рога самого крупного изображения. Надписи пронумерованы мною слева на-

[8] Точно следуя за значением лексики, надо бы сказать: «мужской части грешного человечества».

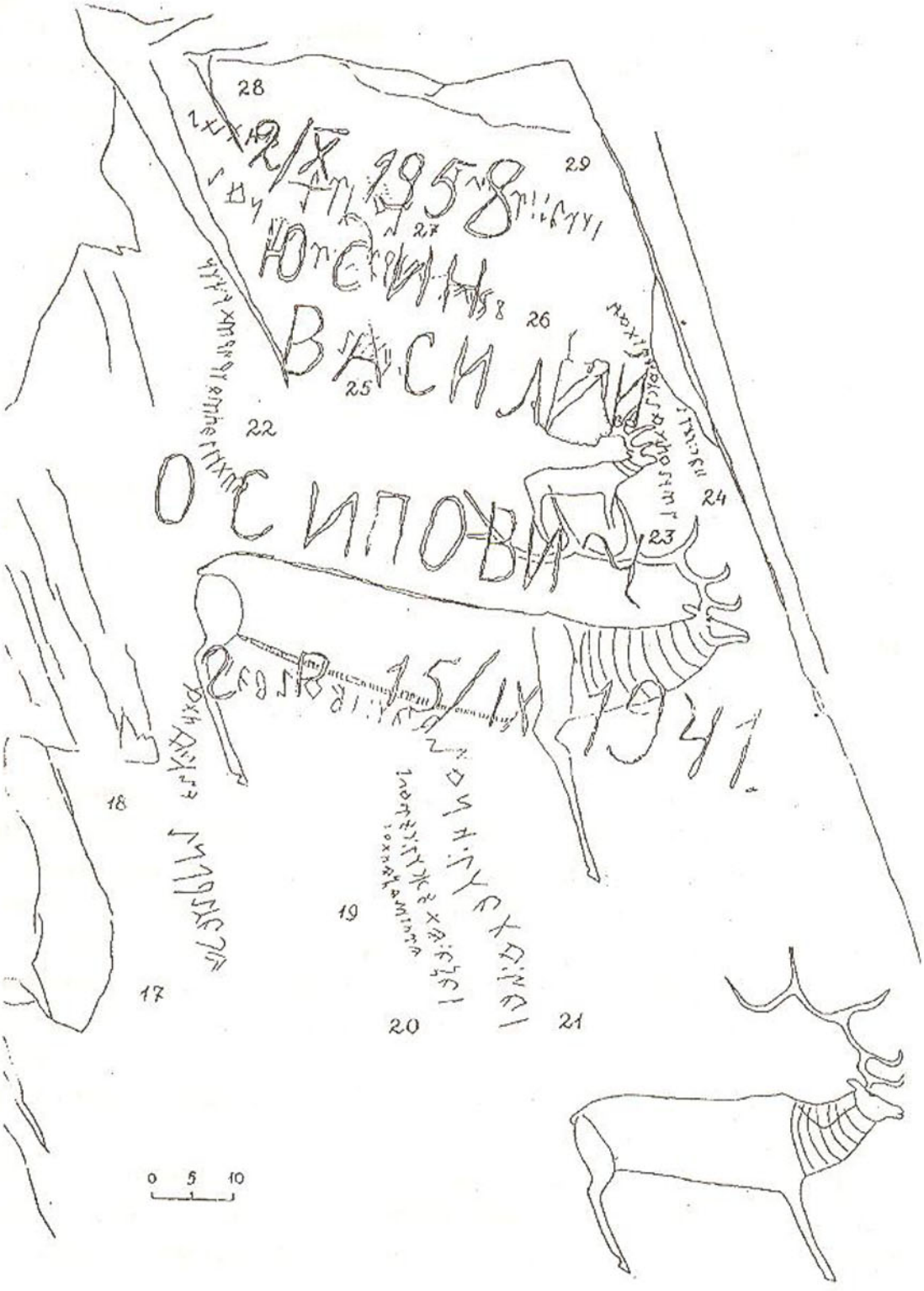

Рис. 21. Ялбак-Таш. Плоскость III. Арабские номера соответствуют римским обозначениям надписей в тексте.

право и снизу вверх. На камне они разделяются на три яруса: ниже центральной фигуры марала (четыре строки двумя колонками — XVII-XXI), выше неё по двум краям плоскости (строки XXII-XXIV) и в верхней части экрана (строки XXV-XXIX). Строки нижних ярусов размещены вертикально, а верхнего — горизонтально. Создаётся впечатление, что надписи обрамляют центральную фигуру оленя. Тексты резаны тонкими, но довольно глубокими бороздами; лишь черты верхних надписей буквально нитевидны. Начало строк XVII и XIX отстоит от нижнего края плоскости на 44 см.

Последовательность нанесения строк в каждом скоплении и на плоскости в целом уверенно указать нельзя. Лишь размещение нижних надписей XIX-XXI позволяет считать, что они вырезались от правой к левой. В верхнем ярусе позднее прочих, вероятно, нанесена строка XXVIII. Несмотря на её краткость, она идёт поперёк скальной трещины — очевидно, у писавшего не было уже иного места для текста. Можно думать, что горизонтальные строки наносились на плоскость от нижней к верхней и от правой к левой.

Почитаемая в раннем средневековье поверхность священной скалы в конце 50-х годов XX в. была изуродована памятной надписью, высеченной 17-тилетним парнем, вероятно, строителем тракта. Ниже были нанесены другие современные писания. Многие древние знаки были уничтожены, и часть рунических надписей ныне понять нельзя.

Рунические надписи на этой скальной плоскости обнаружены в 1987 г. В.Д. Кубаревым. При многолетнем изучении наскальных рисунков им сначала были замечены четыре (Кубарев В. 1990, с. 156), затем восемь (Кубарев В. — Маточкин 1992, с. 15), а в итоговой публикации (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) воспроизведено десять строк. В 1994 г. при исследовании этой плоскости мною оказалось, что на камень нанесено 13 рунических надписей. По изданным воспроизведениям (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) ни одна надпись не может быть прочитана из-за допущенных при копировании неточностей.

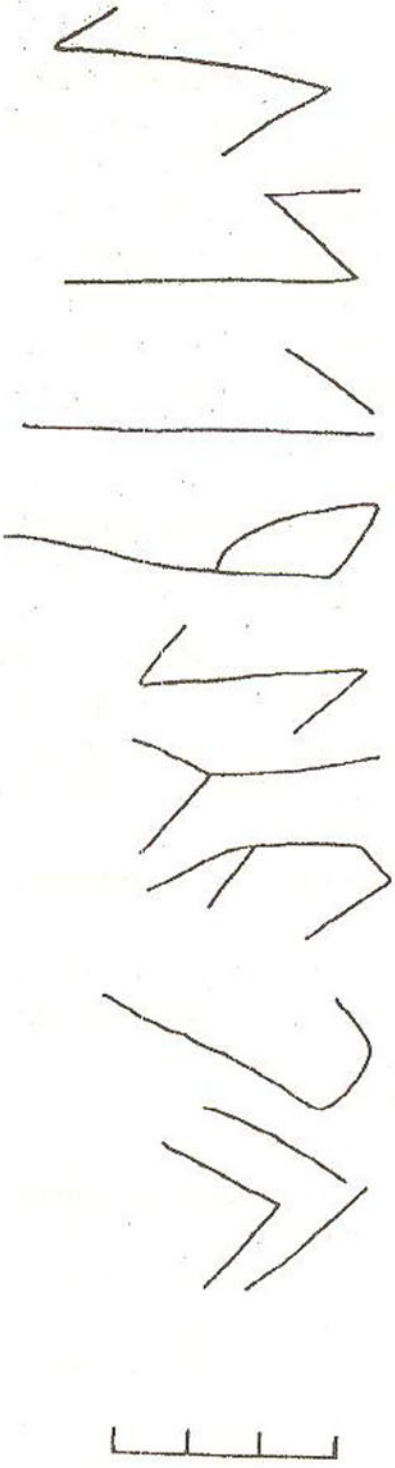

Рис. 22. Надпись Ялбак-Таш XVII.

Ялбак-Таш XVII (рис. 22)

Крайняя слева нижняя строка нанесена вертикально (длина 17,1 см). Она составленная 9 знаками, высота которых для каждого из двух слов различна. Первые буквы в основном по 3,2-3,5 см, последующие уменьшаются от 5,1 до 3,7 см. Изданная прорисовка (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) неточно передаёт 3-й, 5-й и 9-й знаки. Новое воспроизведение надписи издаётся впервые. Буквы вырезаны ясно, их облик не вызывает сомнений, направление чтения традиционно енисейское — снизу вверх, однако, прочитать надпись пока не удаётся.

Текст:

ᛦᛋᛏ9ᛊᛦᚣᛈ (9?)ᛟ᛬᛬

Транслитерация:

$t^1b^1(j^2?)gčä(a)j^2pr^1a$

Транскрипция:

…j(a)p(a)r

Разбор. 1-4. Первое слово не понятно. Если видеть далее сказуемое (знаки 6-8), то здесь ожидается имя в основном падеже. Читать его как этноним t(a)bγ(a)č (с нарушением правописания) не следует из осторожности — этнонимы в наскальных надписях практически не употреблялись. Остаётся видеть здесь мужское личное имя.

Знаки 3-4 (ᛣ ᛍ) возможно было бы сопоставить с отглагольными аффиксами =gäč/=γač и =güč/=γuč, образующими имена существительные со значением инструмента. Запись аффикса знаками для палатальных при твердой основе слова — не большое препятствие: рядность знаков нарушена и в последующем слове надписи, т.е., вероятно, связана с особенностями правописания. Такое же написание этого аффикса встречается в надписи на горе Жалгыз-Тюбе. Однако после рун 3-4 нет показателя падежа, необходимого для связи со сказуемым.

5, 9. Разделительное (и завершающее) назначение обоих знаков несомненно.

6-8. Наиболее вероятно, что здесь записано причастие абсолютного настоящего, будущего и общего времени на =ar от основы jap= со значением или «строить, делать», или «покрывать, закрывать» (ДТС, с. 235). В предложении оно играет роль последнего сказуемого или части оборота с недописанным глаголом (erdi?) в абсолютном прошедшем времени и со значением длительности: «(он) делал», «(он) закрывал».

Палеография. Облик руны ᛏ t^1 указывает на енисейскую принадлежность надписи. Второй знак может быть понят двояко: и как ᛃ j^2, и как вариант написания ᛒ b^1. Первой версии, пожалуй, противоречит иной облик j^2, начертанный далее (руна 6), вторую же поддерживает применение такой буквы как b^1 в надписи Жалгыз-Тюбе (Наделяев 1981, с. 70).

Орфография. Последняя группа букв представляет одно слово, поскольку с обеих сторон отделёна разграничительными знаками ᛦ. Но она содержит разнорядные руны. Вероятно, здесь допущено орфографическое отклонение, и знак для мягкого ᛃ j^2 применён вместо твёрдого. Допустить обратное — написание руны для твёрдорядного ᚴ r^1 вместо соответствующей палатальной — не позволяет прослеженная по другим надписям Алтая закономерность: знак для мягкого согласного обычно заменяет букву для твёрдого, а не наоборот (Кызласов И. 1997, с. 177-183; 1999а, с. 98-104). Пример этого дает надпись Ялбак-Таш XXIII.

Рис. 23. Надпись Ялбак-Таш XVIII.

Ялбак-Таш XVIII (рис. 23)

Надпись размещена над предыдущей вертикальной строкою. Её длина 14,3 см. Борозды знаков тоньше и мельче надписи XVII. Шесть знаков из восьми имеют высоту от 2 до 2,5-2,6 см, а два — 3,4 и 3,7 см. Верхняя часть строки изгибается направо, последний знак практически соприкасается с изображением ноги оленя. В публикации (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) надпись воспроизведена условно. Ее точная копия, прочтение и перевод ныне публикуются впервые.

Текст: 𐰴𐰇𐰋5𐰚𐰃𐰀𐰆𐰽

Транскрипция: k(e)nč {ä} b(i)t(i)d(i)m

Перевод: Я, Кенч, написал (это).

Разбор. 1-3. В столь краткой надписи знаки могут быть прочитаны двояко: k(e)nč и (i)k(i)nč. Первый вариант кажется надёжнее, поскольку глагольной форме bitidim «я написал» обычно предшествует мужское имя, а слово kenč «ребёнок, детёныш» зафиксировано в качестве первого компонента личных имён (ДТС, с. 298). Отвлечённо говоря, слово ikinč «второй» также могло бы быть именем собственным (ср., например, туркменские имена Чары «Четвёртый» и Бяшим «Мой пятый»). Однако, примеров такого его применения словарь не содержит. Привлекая иной смысл числительного — «во второй раз» (ДТС, с. 206) — можно прочитать: «Я второй раз написал». Однако такое содержание наскального текста невозможно. Прочие строки горы Ялбак-Таш свидетельствуют, что каждая надпись наносилась по определённой причине. И если верующий дважды писал на скале, то причины для этого всякий раз были разными. Значит, каждая надпись наносилась впервые.

4. Руна, вероятно, служит словоразделительной отметкой. Но её использование, согласно прослеженным случаям, влечет употребление такого знака и в конце надписи. Хотя последнее слово завершается согласным, т.е. применение знака 𐰽 здесь вполне ожидаемо (ср., например, строку XIX), его нет. Эта орфографическая особенность нарушает систему, следовательно, порождает определённые сомнения в правильности высказанного понимания 4-го знака надписи.

5-8. Глагол biti= «писать» в форме прошедшего времени (=di=), 1 лицо ед. числа (=m) — обычная формула енисейских наскальных

надписей, встреченная уже в строке Ялбак-Таш II. См. строки XIX, XXIII, XXVIII и комментарии к надписи III.

Имя человека, нанёсшего эту надпись, лишено титула. Следовательно, перед нами свидетельство грамотности простолюдинов (Кызласов И. 1999, с. 101-103). Об этом свидетельствуют и другие надписи горы, поскольку подавляющее число начертанных на скале имён не титуловано (см. строки III, IX, X, XIII, XXIII, XXV, XXVII). Вполне возможно, что таковой по происхождению была часть манихейского клира.

Палеография. Форма буквы ᛒ b², применённая в надписи, свидетельствует о её енисейской принадлежности. На это же указывает облик ᚾ n² и само вертикальное расположение строки при чтении снизу вверх. Редкий вид имеет последняя руна текста ᛘ m, лишённая правых отводков. В этом можно усматривать пережиточное сохранение орхонской курсивной традиции, отмеченной Сэврейской надписью (763 г.) и текстами V и X Хойто-Тамира, т.е. памятниками младшего орхонского письма Монголии, относящимися к уйгурскому периоду (середина 8 — середина 9 в.). На Алтае знак в виде горизонтальной петли встречен в наскальной надписи Мендур-Соккон V (Кызласов И. 1994, с. 88, табл. XXIII, 33, XXIV, 53, XXV, A, 5, 6; 2001, с. 117-118, рис. 7[9]; 2001а, рис. 9). Учитывая форму этой буквы, анализируемую надпись следует отнести к алтайскому варианту енисейского письма. Ср. начертания и разбор надписей XXIII и XXVIII.

Орфография. Вполне правильная руническая орфография. Местной алтайской особенностью служит применение руны ᛦ в качестве разделительного знака. Непоследовательность его использования видна по отсутствию этой руны в конце строки.

Ялбак-Таш XIX (рис. 24)

Вертикально размещённая, несколько выгнутая дугою строка, состоящая из 13 знаков. Общая длина её 16 см, высота букв от 6 до 17 мм (в основном — 9-15 мм). Знаки мельчают к окончанию надписи. Наиболее крупная буква (2,4 см; знак 9-й) размещена на перело-

[9] В этой публикации допущена неточность в нумерации надписи.

ме строки. Резы глубже и шире, чем у предыдущих надписей. Совершенно очевидно, что форма строки подчинена желанию вырезать ее как можно ближе к надписи XX, расположенной правее (рис. 21). Это наблюдение указывает последовательность нанесения строк на плоскость. Надпись вырезана твёрдой рукою совершенно ясно и хорошо сохранилась. Однако в единственной публикации (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) неверно переданы руны 3-6 и неточно — 1, 8 и 9-я. Точная копия, прочтение и перевод надписи публикуются впервые.

Текст:

᛬ᚱᚲᚷ10ᛁᛏᛟᚴᛟᛦ5ᛗᛚᛁᛉᛏᛟ

Транскрипция:

b(e)rt(i)p (a)qa b(e)n b(i)t(i)d(i)m {ä}

Перевод: (Я —) Бертип Ака. (Это) я написал.

Разбор. 1-4. Слово понимается мною как деепричастие сопровождения или предшествования на =p, образованное от глагола bert= «увечить, наносить вред, портить» (ДТС, с. 96). Здесь такую форму имеет значимый компонент личного имени (буквально: «увеча» или «изувечив»). Можно думать, что имя отразило особенности рождения мальчика. Допущение противоречит обычаю смены имен с возрастом, известному по енисейским эпитафиям. Однако подобную ситуацию мы только что наблюдали в надписи XVIII: какое бы прочтение мы не предпочли — kenč «ребёнок» или ikinč «второй (по рождению)» — перед нами детские имена, перенесённые на взрослого мужчину.

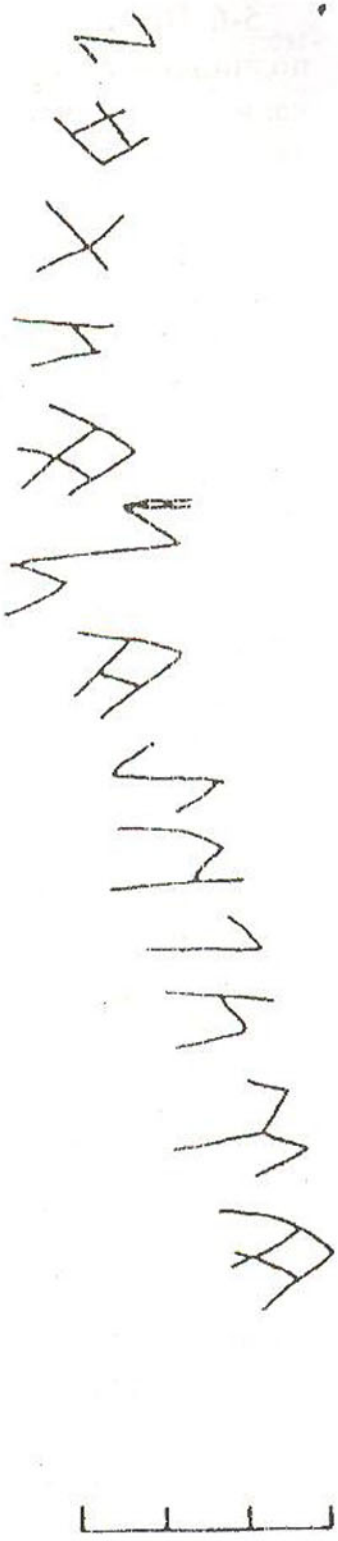

Рис. 24. Надпись Ялбак-Таш XIX.

5-6. Прочтение этих знаков, также как и предшествующих рун, подчинено распространённой наскальной формуле «Я, Имярек, написал». Слов aqa в обычном значении «старший брат» (ДТС, с. 48) здесь играет роль второго компонента имени собственного. Следовательно, шестая руна, завершающая слово, принадлежит к его последнему слогу, и не несёт значения словоразделительной отметки (ср. знак 13).

7-8. Личное местоимение 1 лица ед. числа. Обращает на себя внимание, что формула «я написал» может быть начертана на скалах двояко: с обозначением местоимения и без него (естественно, с применением глагольной формы в 1 лице ед. числа). К первому варианту, примененному в данной надписи, принадлежит также строка Ялтак-Таш II (ср. X: ben tedim), а ко второму — XVIII, XXIII и XXVIII (ср. VII: erpen tedim) и надписи на других скалах (Чарыш, Мендур-Соккон, Бичикту-Бом). Чем вызвано такое расхождение, предстоит понять.

9-12. Форма прошедшего времени от глагола biti= писать. См. разбор надписи II/XV (строка II, 3-6).

13. Знак не имеет звукового значения, он указывает на завершение надписи. Показательно, что для словораздела эта буква в строке не применяется, её использование среди текста (знак 6) фонетически оправдано. Такая ситуация уже известна нам по надписи XII.

Палеография. Надпись принадлежит к енисейскому письму. На это указывают характерные формы знаков ᛒ b², ᛗ m, ᚿ n². Особенности начертания последнего знака, пожалуй, указывают на 9-10 вв. как наиболее вероятное время создания надписи (ср. в связи с этим вид буквы ᚺ t² без явного укорочения правого отводка: руны 3 и 10). Обращает внимание противоположный разворот двух рун для a/ä (знаки 6 и 13). Возможно, это объясняется различным их назначением: в роли буквы в первом и в качестве знака конца текста во втором случае. Недаром сходную ситуацию с разворотом этих знаков встречаем в выполненной по алтайской орфографии енисейской надписи Цаган-Сала из Монголии (Кубарев Г. — Цэвэндорж 1999, с. 160, рис. 6, *1*, 7, *1*).

Отмечу, что при написании руны 9-й резчик дважды наносил черту верхнего отводка. В некоторых случаях хорошо различима

последовательность резов, составляющих буквы (всегда устремлённых от вершины знака к основанию). Так, у руны 2-й (ᛉ) правый угол выведен заодно с вертикальным стволом, ранее левого верхнего отводка (т.е. буква чертилась справа налево). У знака 3-го (ᚺ) сначала нанесена вертикаль, а затем одним движением правое колено, т.е. буква создана слева направо. Первым в знаке 11 (ᚷ) был штрих, направленный справа налево, резы знака 12 (ᛯ) также наносились в последовательности справа налево: верхняя черта угла — нижняя — левая черта перекрестья — правая. Совершенно очевидно, что наносивший надпись человек привык к письму справа налево и в этом направлении не только размещал знаки в строке, но и выстраивал каждую отдельную букву. Следовательно, руническое письмо было для него первой письменной системой, освоенной в жизни.

Орфография. Классическое правописание надписи совмещается с применением руны ᛚ для обозначения конца текста. Её частое использование лишь в этой роли (ср. надписи III, VIII, IX, XII, XIII, XX, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII), пожалуй, может указывать на изначальность такого употребления. Из отметки окончания фразы (или частей фразы) знак в дальнейшем, в развитие функции, стал использоваться в качестве словоразделителя. Если высказанное верно, позволительно думать, что изначально конечное употребление ᛚ служило для записи поствокативной частицы и имело звуковое значение. Именно такое звуковое завершение фраз отмечено для сагайского (горно-таёжного) диалекта современного хакасского языка (Боргояков 1960).

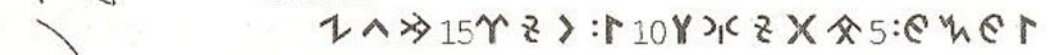
Ялбак-Таш XX (рис. 25)

Вертикальная строка из 18 знаков, общей длиною 27,9 см. Руны уменьшаются к концу текста от 3,3-2,8 до 2-1,8 см (самый высокий знак 4 см, низкий — 1,2 см). Резы тоньше и мельче предыдущей строки. В изданной прорисовке воспроизведены лишние борозды, мешающие отождествлению 3, 9, 11 и 17-го знаков (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384). Точная копия, прочтение и перевод надписи публикуются впервые.

Рис. 25. Надпись Ялбак-Таш XX.

Текст:

Транскрипция:

(j)ig (i)n(i)g : b(e)d(i)zγ(a)li : uz (e)rm(i)š {ä}

Перевод: С тех пор, как вырезал хорошую тамгу, он стал искусен.

Разбор. 1-2. Первое слово jig «хороший, хорошо; добро, благо» (ДТС, с. 252), написанное без начального j. Это слово дважды встречено в надписи Бичикту-Бом III, где связано с понятием добра и блага в религиозном манихейском понимании (Кызласов И. 2001, с. 115).

3-4. Слово in (en), стоящее здесь в винительном падеже (=g), не вошло в «Древнетюркский словарь», но встречено в несомненном контексте в енисейской надписи на серебряном сосудике, найденном в Хакасско-Минусинской котловине. Там также, по нормам рунической орфографии, не обозначена первая гласная, что не позволяет предпочесть один из двух возможных вариантов огласовки (Кызласов И. 1992, с. 160; 1994, с. 202, рис. 34). Обычное значение слова — «тавро, тамга, метка».

5, 12. Поскольку словоразделительные отметки в виде вертикального двоеточия редко встречаются не только среди надписей горы Ялбак-Таш (см. строки X, XV, XXI, XXIV, XXIX), но и вообще среди рунических надписей Алтая, оговариваю их использование в этом случае. Следует обратить внимание, что они делят надпись на три группы, в две из которых включены не слова, а словосочетания.

6-11. Деепричастие относительного времени (=gäli), образованное от глагола bediz=, обычно переводимого как «украсить (орнаментом, резьбой)» (ДТС, с. 90). Формально оно может восприниматься как указание на цель действия («чтобы вырезать хорошую тамгу, …»), однако, учитывая молитвен-

ный и благодарственный характер наскальных надписей, вероятнее видеть здесь причинное предшествование со значением исходного момента действия («с тех пор как вырезал …»). Надпись ещё раз подтверждает и первоначальное значение глагольной основы bediz= — «вырезать»[10].

13-14. Uz «искусный, опытный, умелый» (ДТС, с. 620).

15-17. Прошедшее время на =miš (от глагола er= «быть») указывает, что писавший не был очевидцем события. Перевод надписи может быть дополнен словами «как я слышал», «говорят, что» и т.п.

18. Знак окончания надписи, не имеющий звукового значения (ср. Ялбак-Таш XIX).

Разбирая эту надпись, отмечу группу из 26 личных тамговых знаков, вырезанную на плоскости I горы Ялбак-Таш обособленно от рунических строк. Судя по облику четырёх из них («птичьих лапок»), имеющих аналогии на енисейских эпитафиях чиков Тувинской котловины (Кызласов Л. 1960, с. 97-100, рис. 3), эти тамги одновременны надписям. Но на плоскости III, содержащей изучаемую надпись, ни одной средневековой тамги нет. Последнее обстоятельство не существенно при избранном варианте перевода (см. разбор знаков 6-11): надпись лишь отмечает последствие вырезания тамги, где и когда это произошло неизвестно.

Полагаю, что речь идёт о начертании на утёсе личного знака молившегося и о добром результате такого моления. Если нанесение надписи на скалу расценивалось манихеями Южной Сибири как богоугодное дело (Кызласов И. 2001а, с. 257), то, судя по разбираемой надписи, вырезание личной тамги воспринималось та-

---

[10] Содержание существительного bediz, предлагаемое в специальном исследовании (Кляшторный 1978, с. 241-252) («скульптура, изваяние; символическое изображение человека»), не подтверждается в нём же приведёнными материалами. Слово имело смысл «изображение», не было связано лишь с антропоморфными фигурами, а носило общий характер (распространяясь на изображения животных, растений, узоров и т.п.). Оно относилось как к скульптуре и рельефу, так и к плоской резьбе, рисунку и росписи, что было подробно обосновано ещё в 1964 г. всей совокупностью имеющихся письменных и историко-культурных свидетельств, при рассмотрении историографических данных (Кызласов Л. 1964, с. 27-29 сл.). Первоначальный смысл слова связан с резьбою, вычерчиванием.

ким же образом (ср. большое число таких тамг, нанесенных рядом с надписями на почитаемых горах Тепсей в Хакасии и Хая-Бажи в Туве). Сказанное объясняет, по моему мнению, применение в нашей надписи определения «благая» к слову «тамга».

Палеография. Енисейская принадлежность надписи очевидна: в ней применены руны 𐰴, 𐰺, 𐰾, 𐰽 и 𐰸 характерного вида (буквы 2, 6, 8, 14, 16, 17). Особое графическое изящество придано знаку 𐰋 (руна 9).

Орфография. Классическое правописание надписи заставляет обратить внимание на пропуск на письме руны 𐰉 (j²), ожидаемой в начале первого слова. Есть вероятность, что написание отразило особенности произношения резчика. Подобная ситуация, как помним, уже встретилась ранее в двухстрочной надписи Ялбак-Таш IV/VI в отношении слова jer «земля». Другая орфографическая особенность нашей надписи — применение руны 𐰋 для твёрдорядного γ в мягком варианте аффикса =gäli, присоединённого к велярной основе глагола bediz=. Приходится думать, что автор не был твёрд в знании правил рунического письма, отражавших сингармонизм тюркской речи. Третья примечательная черта краткого камнеписного текста заключается в использовании знака 𐰚 для обозначения конца надписи (ср. надпись XIX). Словоразделительные отметки, последовательно применённые в строке, имеют другой вид.

Ялбак-Таш XXI (рис. 26)

Одна из наиболее длинных строк скальной плоскости выведена самыми крупными знаками. Её общая длина 64 см, высота 25-ти рун колеблется от 4-4,7 до 2,4-2,9 см, обычно составляя 3,3-3,5 см. Самый высокий знак (𐰍, 6 см) расположен примерно в середине строки на переломе её оси. Строка достигает живота крупной фигуры оленя и поворачивает вдоль него: случай ясно показывает, что надписи появились позднее раннесредневековых рисунков. Первые издатели надписи воспроизвели только начальные буквы этого тонко вырезанного, но ясного текста (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384). Полная прорисовка его публикуется впервые. При изучении подлинника для меня остался неясен только один знак —

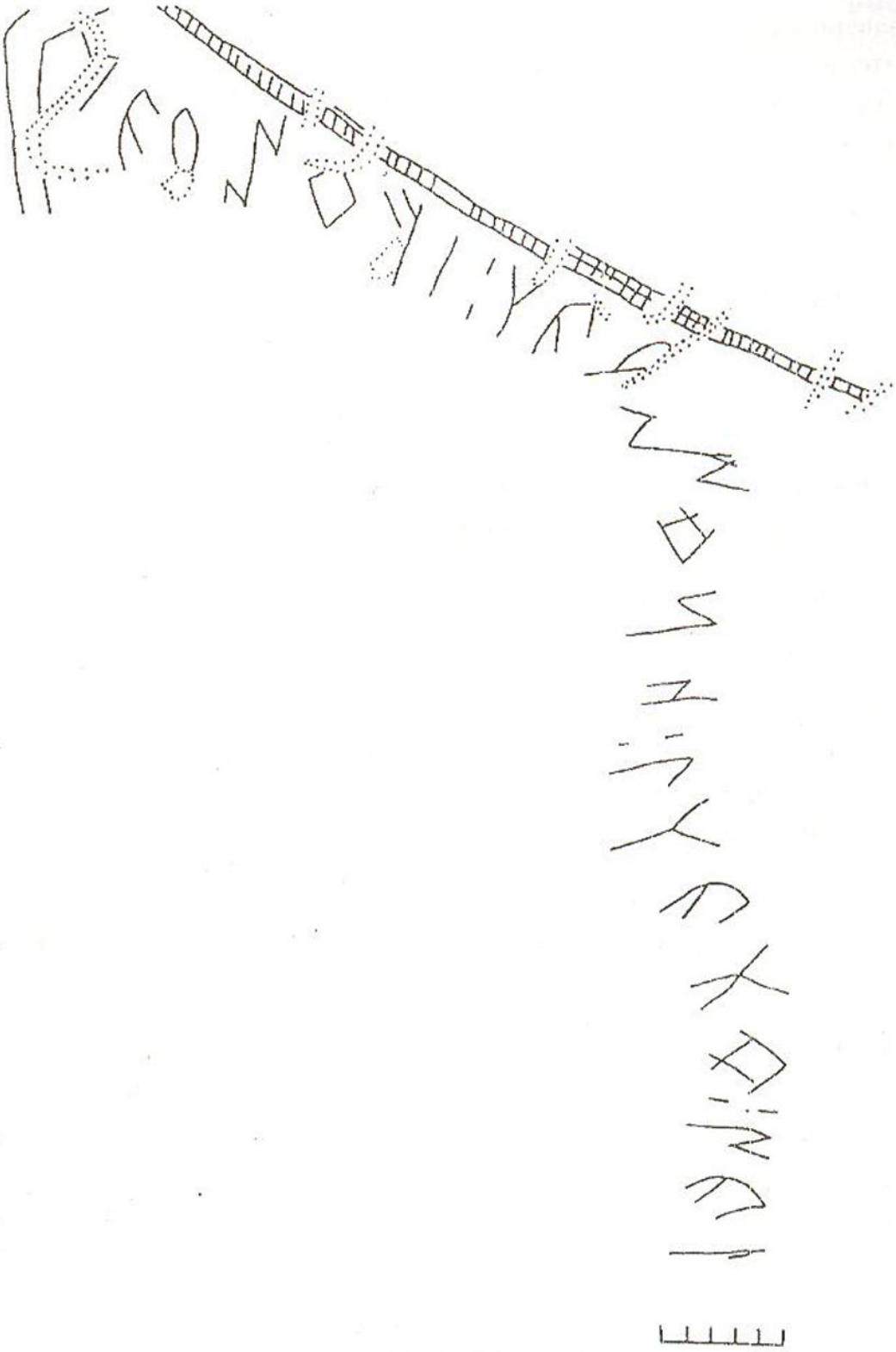
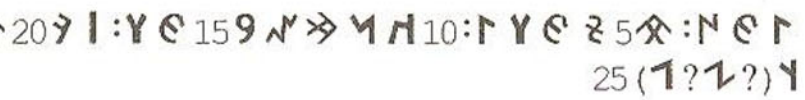

Рис. 26. Надпись Ялбак-Таш XXI.

завершающая руна, испорченная поздней выбивкой. Но уверенное чтение надписи не складывается. Публикую незавершенные рассуждения в надежде, что они послужат разбору и лучшему прочтению.

Текст:

Транслитерация:

igü(ö):b²zgl²i:qr¹mn²j²gl²:s²(š²)kb²(m?)n²j²gŋ(ä?p?)

Транскрипция:

igü : b(e)z(ä)g(ä)li : q(a)r(a)m(i)n j(e)g(i)ŋ(?) : … j(e)g(i)ŋ(?)

Перевод: С момента, как резец (?) вырезал (?) (надпись), мою скверну твоя благость, мою (?) … твоя благость (очистила) (?).

Разбор. 1-3. Нет уверенности в правильности прочтения слова. Последующая отглагольная форма на =gäli предполагает здесь существительное. Стремясь к смысловой связи с глаголом, предположительно вижу здесь записанное без начального j слово jigü (фонетический вариант слова jegü) в значении «острый нож, бритва», с сомнениями отмеченное в единственном фрагменте текста на брахми из Восточного Туркестана (ДТС, с. 253). Настаивать не приходится и по иной причине: с одной стороны пропуск ожидаемого начального j известен на скале Ялбак-Таш (надписи IV/VI и XX), с другой стороны здесь в сходных случаях начальное j начертано дважды (руны 15, 23).

5-10. Применение аффикса =gäli представляется несомненным, понимание же глагольной основы затруднительно. Поскольку 6-й знак надписи есть своеобразно начертанный ᛃ z (видеть в нем ᚷ d² сомнительно, прочтению это не помогает), подходящим кажется глагол bezä= «украшать», имеющий многие производные (ДТС, с. 97). Опираясь на значение производных (bezäk «украшение; роспись, резьба» и т.п.) и содержание соседней надписи XX, а также увязывая с возможным значением слова, записанного рунами 1-3, хотелось бы предположить, что у этой основы существовал и до сих пор не зафиксированный смысл «вырезать, резать, чертить» (ср. примечания к глаголу bediz=: надпись XX, 6-11).

11-14. Записанное здесь слово qara в производном моральном

значении «скверное, неправедное, дурное» (ДТС, с. 422, 423) имеет аффикс принадлежности 1 лица ед. числа (=m) и винительного падежа (=in).

15-17, 23-25. Дважды встреченные однокоренные слова, входящие в параллельные по строению конструкции. Знак 17-й, завершающий первое слово, вырезан ясно — это ᛘ I². Подобно расположенная в последнем слове руна 25-я, сохранилась частично. Она имела вертикальный ствол и, вероятно, левый отводок. В 1994 г. он воспринимался мною, как косой штрих, отходящий от вершины, т.е. допускалось конечное ᛚ (низ которого невиден) или ᛚ. В 2001 г. отводок виделся уже иначе: как штрих, направленный вверх от середины вертикали — руна стала сопоставима со знаком ᛘ η (публикуемый рис. 26 отразил оба варианта восприятия).

Исходя из параллельного построения, можно было бы предположить и единство окончаний (руны 17 и 25 — равно ᛘ η²), нераспознанное на скале из-за особенностей начертания одного и плохой сохранности другого знака. Ср. столь близкий к ᛘ облик руны ᛘ в надписи Ялбак-Таш XXII (знаки 10 и 18). Если однокоренные слова прочесть как jeg (руны 15-16 и 23-24) со значением «хороший, благой; хорошо, добро, благо», то записанные далее аффиксы (ᛘ η²) — показатели принадлежности 2 лица ед. числа. Пригоднее здесь была бы глагольная основа, однако, подобной мне не известно. Возможно, последнее сказуемое вообще не было на скале написано, поскольку строка заняла всё доступное пространство. Глагольная форма осталась подразумеваемой.

19-22. Прочесть слово, записанное первыми двумя рунами этой группы знаков, несмотря на ясность их вида, не удаётся — лексика надписей богаче доступных словарей, а краткость камнеписного текста не способствует уверенному выбору словесных значений. Основываясь на предшествующей части параллельной конструкции, можно было бы думать, что руна 21 — плохо разобранная буква ᛬ m, а знаки 21-22 читать как =min (сочленение двух аффиксов: см. выше разбор знаков 13-14). Однако буква 21 имеет не горизонтальную, а вертикальную ось симметрии, т.е. может передавать согласный b², в ряде алтайских енисейских надписей приобретший вид равностороннего ромба (см. Ялбак-Таш I и XXIII,

Мендур-Соккон II, а также, с меньшей уверенностью, надпись Ялбак-Таш XXVIII).

Хотя прочтение надписи пока не может быть предложено, общее содержание этой строки, пожалуй, предстаёт довольно ясно — это прошение избавить от духовного несовершенства (мрака неведения, скверны — qara) или благодарность за помощь, поданную после моления и нанесения на скалу надписи или знака. Основанием такого понимания служит применение формы на =gäli (сближающее построение фразы с надписью XX), как и параллелизм последующей части текста.

Палеография. Енисейская по алфавиту надпись (см. вид букв ᛚ, ᛟ, ᛬, ᚴ) очень близка по начертанию знаков строке XX. Только некоторые различия в облике ᛬ и ᛉ не позволяют думать, что строки вырезаны одной рукою. Надписи сближает также применение словоразделителей-двоеточий и возможное (если судить по остаткам последней буквы в строке XXI) употребление руны ᛦ как знака окончания. Очень похожа наша строка по почерку и на близлежащую надпись XVII (ср. знаки ᛈ, ᛩ и ᛋ). Столь большое сходство трёх надписей означает, что оставившие их люди постигали письмо у одного учителя. Наблюдения за видом надписей плоскости I привели, как помним, к такому же допущению. Важно, что графическая близость каждой из этих эпиграфических групп не распространяется на другую. Отмечу также начертание особо высокой буквы ᚴn^2 в середине рассматриваемой строки, такую особенность мы уже встретили в надписи XIX.

Орфография. Надпись, судя по всему, выполнена в нормах классического руни́ческого правописания. Отсутствие орфографической ошибки в аффиксе =gäli (знаки 7-9), допущенной в строке XX (знаки 9-11), вероятно, также указывает на различное авторство их создателей.

Ялбак-Таш XXII (рис. 27)

Вертикальная надпись, расположенная на плоскости в левой части второго яруса (рис. 21). Знаки не были поняты первооткрывателем (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384). Дважды изогнутая

форма строки объясняется нанесением на небольшой участок скалы, ограниченный изображением оленя и трещиной породы. При измерении по прямой длина надписи составляет 29 см. Она образована 19-ю знаками, размеры которых практически одинаковы (2,2-2,5 см), но несколько крупнее в начале (2,7, максимум 3 см). При исследовании оригинала не удалось полностью рассмотреть облик единственного знака (17-го по порядку), но значение его сомнений не вызывает. Прочтение и перевод надписи были опубликованы несколько лет назад (Кызласов И. 1998а, с. 54), но её точная прорисовка и обоснование прочтения издаются здесь впервые.

Текст: 𐰴𐰍𐰃𐰋5𐰉𐰃𐰇𐰍𐰋𐰚
𐰃𐰃𐰉𐰚15𐰇𐰍𐰚𐰉𐰚10𐰃

Транскрипция: j(e)rd(ä)qi (i)g (i)t(i)r b(e)ŋkü j(e)rd(ä)ki (a)ŋ(a)r

Перевод: (Если) на земле пребывающие болезни исчезнут, на вечной земле пребывающие (люди ~ существа) придут в замешательство.

Разбор. 1-5, 13-17. Фраза построена по законам параллелизма. Этими знаками в обоих случаях записано прилагательное места jerdäki «находящийся на земле, земной (в противоположность не-

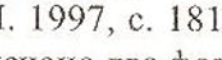

Рис. 27. Надпись Ялбак-Таш XXII.

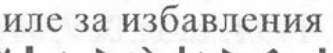
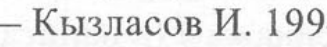
бесному)», образованное от слова jer «земля» при помощи аффикса =däki. Оно известно в енисейских эпитафиях, где обычно характеризует владения умершего князя (ДТС, с. 257). В первом случае употребления jerdäki выступает определением к слову ig «болезнь», а во втором оно самостоятельно и указывает на всю совокупность земных обитателей, возможно, не только людей, но и прочих живых существ (хотя последнего утверждать и нельзя). Выбор между недосказанными здесь существительными влияет на особенности перевода надписи.

6. Ig «болезнь» (ДТС, с. 203).

7-8. Здесь записано причастие itir, образованное при помощи аффикса =ir от глагола it=, фонетического варианта более распространённой формы jit= «исчезать, теряться» (ДТС, с. 215, 263). Предполагать написание слова с выпуском начального j (как это наблюдалось в строках IV/VI и XX), нет оснований, поскольку слово jer (знаки 1-2 и 13-14) записано правильно.

9-12. Нередкое в енисейских наскальных и эпитафийных надписях слово beŋkü «вечный» (ДТС, с. 94) выступает определением к jer «земля». По-видимому, словосочетание beŋkü (beŋgü) jer отражает одну из главных черт саяно-алтайской космогонии — представления об изначальности и священности земли (Кызласов И. 1998а, с. 54). Ср. надписи Ялбак-Таш I и IV/VI, а также строку Шалаболинской писаницы в Хакасии (Е 36/3): (↑?) id(i)k (~ id<u>uq</u>?) j(e)r(i)mä : b(e)ŋgu : b(o)l(u)ŋ «О моя Священная Земля, будьте вечной!» (Кызласов И. 1997, с. 181, 182; 1999а, с. 102, 103). На скале Ялбак-Таш отмечено два фонетических варианта разбираемого слова: beŋgü (строка I) и beŋkü (строка XXII). Очевидно, они отражают особенности произношения (см. разбор надписи I, 3-6) и, вполне возможно, не случайно отмечаются на разных плоскостях скалы, несхожих и по почерковым особенностям писавших.

18-19. Можно предложить несколько прочтений глагольной основы, снабжённой здесь причастным аффиксом =ar/=ïr. Наиболее подходящим по смыслу представляется aŋ= — твёрдорядный вариант глагола eŋ= «удивляться, приходить в замешательство» (ДТС, с. 46, 174).

Судя по этой надписи, болезни воспринимались писавшим как неотъемлемая черта земной жизни. Анализируемая строка раскрывает мировоззренческую причину создания других енисейских наскальных надписей, содержащих благодарности высшей силе за избавления от болезней — Тува, Хая-Бажи X (E 24/10): isiz qul bitmiš (e)s(ä)n «Недостойный раб (божий) написал (это) и (стал) здоров» (Кызласов Л. — Кызласов И. 1994, с. 40-44, рис. 6, 7); Монголия, Тэс II: tü(~ö)p(e)k : (a)lp sol b(i)t(i)d(i)m (e)s(ä)n ol(u)rt(ï)m «Я, Тюпек (~Тёпек) Алп Сол, написал: благополучным (букв.: невредимым) я (здесь) поселился» (Кызласов И. 1994, с. 192); Монголия, Дэл-ула I: t(ä)ŋiri q(a)n(ï)m ig tük(ä)n buŋ(ï)m joq {a} «Мой Небесный (~ Божественный) Повелитель, (хвала Тебе), (поскольку) болезни завершились, у меня нет печали!» (Кызласов И. 2001а, с. 247)[11].

Палеография. Палеографические признаки нашей надписи выделяют её среди прочих камнеписных текстов Ялбак-Таша. Надпись выполнена енисейским алфавитом, о чём свидетельствует её вертикальное размещение и применение буквы b² (руна 9). С другими строками скалы надпись объединяет прямоствольное написание буквы j² (руны 1 и 13), вид знаков ö/ü и r¹ (руны 12 и 19), отводки которых начинаются от вершины стволов. Однако своеобразие почерка писавшего проявляется многократно: в облике q (руна 4) с короткой вершиной, угловатости g (руна 6), высоких ножках , длинных отводках k (руна 11, ср. вид руны 16). Особенно явно отличие индивидуальной манеры предстаёт в форме буквы r², во всех случаях имеющей длинные, почти достигающие основания отводки (руны 2, 8, 14). Сходным образом эти знаки выведены и в строке XXIII, но в нашем случае боковые черты не наклонны, а вертикальны. Имея в виду дальнейшие наблю-

[11] Публикацию точной прорисовки и первоначальную попытку прочтения надписи см.: (Болдбаатар 1997, с. 26-30). Благодаря любезности исследователя я смог проверить изданную прорисовку по хорошей фотографии и предложить своё прочтение надписи.

дения над особенностями надписи XXVI, отмечу, быть может, неслучайное подобие — знаки такого же облика (звуковое значение которых невыяснено) характерны для пока нерасшифрованных южноенисейского и ачикташского алфавитов евроазиатской группы рунического письма (Кызласов И. 1994, табл. XV, 41, XVIII, 10, XIX, 35, XXI, 26, XXIII, 37).

Орфография. В целом правописание надписи, несомненно, принадлежит к классическому. Но однажды (в написании второго слога аффикса =däki, руны 3-5) применена буква ᚴq, несоответствующая мягкорядности слова jer. В этом случае обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, начальная согласная аффикса начертана верно (ᚷ d²), что подразумевает присутствие в нём мягкого гласного ä. Во-вторых, рядность последнего гласного обозначена руной ᚴ и избирается нами (i или ï), т.е. после твёрдого ᚴq могло читаться и твёрдое ï — весь второй слог аффикса мог быть твёрдорядным (=qï). Вполне вероятно, что писавший осознавал составную природу аффикса =däki, соединившего в себе показатели местного падежа и прилагательного времени и места (=dä + =ki). Отсюда различия в написании двух частей форманта. Показательно, что во втором случае употребления этого аффикса в нашей надписи (руны 15-17) он записан верно.

Ялбак-Таш XXIII (рис. 28)

Текст состоит из 20 рунических знаков, размещенных вертикальной строкой в правой части второго яруса скальной плоскости перед небольшим раннесредневековым изображением оленя, вырезанным ранее текста (рис. 21). Длина строки, верхняя часть которой загибается из-за повреждения поверхности, составляет 27,7 см. Буквы вырезаны ясно, величина их и просветы меж знаков выдержаны, хотя высота рун убывает от начала строки к середине (от 2,1-2,3 и 1,5-1,6 к 1-1,3 см). Публикация первооткрывателя (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) неверно воспроизводит 8, 10, 11-ю и, практически, все последующие руны. В 1996 г., а затем ещё дважды, мною издана точная прорисовка, прочтение и перевод

надписи, интересной в орфографическом плане (Кызласов И. 1996, с. 127, рис. 5, *1*; 1997, с. 179, 180, рис. 7; 1999а, с. 100, 101, рис. 4).

Текст:

Транскрипция:

ür(ü)ŋ {ä} b(i)t(i)d(i)m {ä} (a)n(a)č(ï)m {a} (a)d^{1}(ï)r^{2}(ï)l^{2}d^{2}(ï)m(ï)z {a}

Перевод: (Я), Юрюнг, написал. С моей матушкой мы разлучились.

Разбор. 1-3. Первое слово надписи (ürüŋ) может быть понято двояко «белый, светлый» или «чистый, благородный» (ДТС, с. 627). По положению во фразе его можно принять за личное имя (см. разбор надписи II, 3-6), хотя подтвердить примерами это не удаётся. Вероятно, следует заметить, что слово хорошо соответствует манихейской доктрине связи истинного и светлого и, предположительно, может оказаться связанным с неким состоянием или рангом адепта этой веры.

4, 9, 13, 20. Каждое слово и вся фраза завершаются в

Рис. 28. Надпись Ялбак-Таш XXIII.

надписи начертанием буквы ᛏ, не имеющей здесь звукового значения.

5-8. Глагол biti= «писать» в форме прошедшего времени 1 лица ед. числа (=dim). См. разбор надписей II, 3-6, XVIII, XIX, 7-6 и XXVIII.

10-12. Уменьшительная форма anač образована от существительного ana «мать» (ДТС, с. 43). Здесь она снабжена аффиксом принадлежности 1 лица ед. числа (=m).

14-19. Форма прошедшего времени 1 лица мн. числа (=dïmïz) от страдательного залога (=l=) глагола adïr= «отделять друг от друга, разлучать» (ДТС, с. 11, 12). В надписи залог может быть понят и в прямом значении «были разлучены». Обычный для канона енисейских эпитафий глагол adïrïl= впервые встречается среди наскальных текстов.

Следуя буквальному значению слов, надпись можно перевести и несколько иначе: «Чистый (~ будучи чистым?) я написал. С моей матушкой мы были разлучены». Пока нет оснований предположить с какой целью была нанесена такая надпись.

Палеография. Надпись выполнена алтайским вариантом енисейского письма. В этом убеждает написание ᛟ b² в виде ромба (руна 5), уже отмеченное в надписи Ялбак-Таш I, и ромбический же облик руны ᛗ m, лишённой выходящих за ее пределы передних отводков (знаки 12 и 18). Этот вариант, вероятно, является лапидарной разновидностью курсивного начертания ᛗ, восходящего к памятникам середины VIII в. (см. разбор надписи XVIII). Эти данные указывают на круг письменной культуры, к которой относится надпись. Датировать её на их основании не следует, поскольку не известна пока живучесть пережитков орхонского письма в енисейских надписях Алтая. Показательно, что здесь же резчик применил и руну ᛗ m в характерном енисейском начертании (знак 8). Отмечу ещё одну, вероятно, индивидуальную графическую особенность надписи — зеркальный поворот буквы ᚾ n¹ (руна 10).

Орфография. Особенности надписи не сводятся к словоразделительному назначению руны ᛏ a/ä, применённой и для обозначения конца текста. Здесь мы встречаем употребление мягкорядных букв для написания согласных твёрдорядного слова adïrïldïmïz

(любопытна передача первого d^1 через твёрдорядную руну ᛒ, отмеченная и в другом тексте Алтая — Бар-Бургазы I) (Кызласов И. 1996, с. 126, 127, рис. 3; 1997, с. 177, 179, рис. 5; 1999 а, с. 98, 99, рис. 2). Нельзя думать, что такая замена знаков произошла со всеми твёрдорядными звуками фразы, поскольку в слове anačïm для n^1 использован необходимый твёрдорядный вариант руны ᚾ. Вне слова adïrïldïmïz этот твёрдорядный знак является единственным — все другие слова текста образованы мягкорядными звуками.

Несоблюдение классических норм рунического письма здесь не является случайной ошибкой, а связано с определенной орфографической системой, которую предложено именовать псевдорунническим правописанием и которая полно проявилась в эпитафии Бар-Бургазы I (Кызласов И. 1996, с. 126-130; 1997, с. 177-184; 1999а, с. 98-106).

Ялбак-Таш XXIV (рис. 29)

Надпись помещена правее строки XXIII (рис. 21). Это короткая (длиною 8,7 см) вертикальная строка, состоящая из 9 тонко начертанных знаков, высота которых колеблется от 1 до 2 см (в основном — 1,5 см). Руны трудноразличимы. Их не удалось рассмотреть первооткрывателю надписи (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384). Мои первоначальные впечатления 1994 г. (рис. 21) были уточнены в отношении трёх последних букв в 2001 г. И хотя такое восприятие кажется мне правильным, привожу обе сделанные мною прорисовки надписи (рис. 29).

Текст: ᛏ ᛁ ᛩ 5 : ᚾ ᛍ ᚣ ᛁ

Транслитерация: s^2(š^2)čgn^1:5z(?)j^{2}s^2(š^2)uq(oq)

Постоянный перебив твёрдо- и мягкорядных знаков в столь краткой надписи не позволяет предложить прочтения. Дело осложняется особым, курсивным обликом шестой руны, звуковое значение которой предположительно. Единственный ориентир в разбивке строки на слова — ясно вырезанная в ней словоразделительная отметка-двоеточие.

Палеография. Енисейская манера вертикального расположения строки, направленной снизу вверх, указывает на ее одновремен-

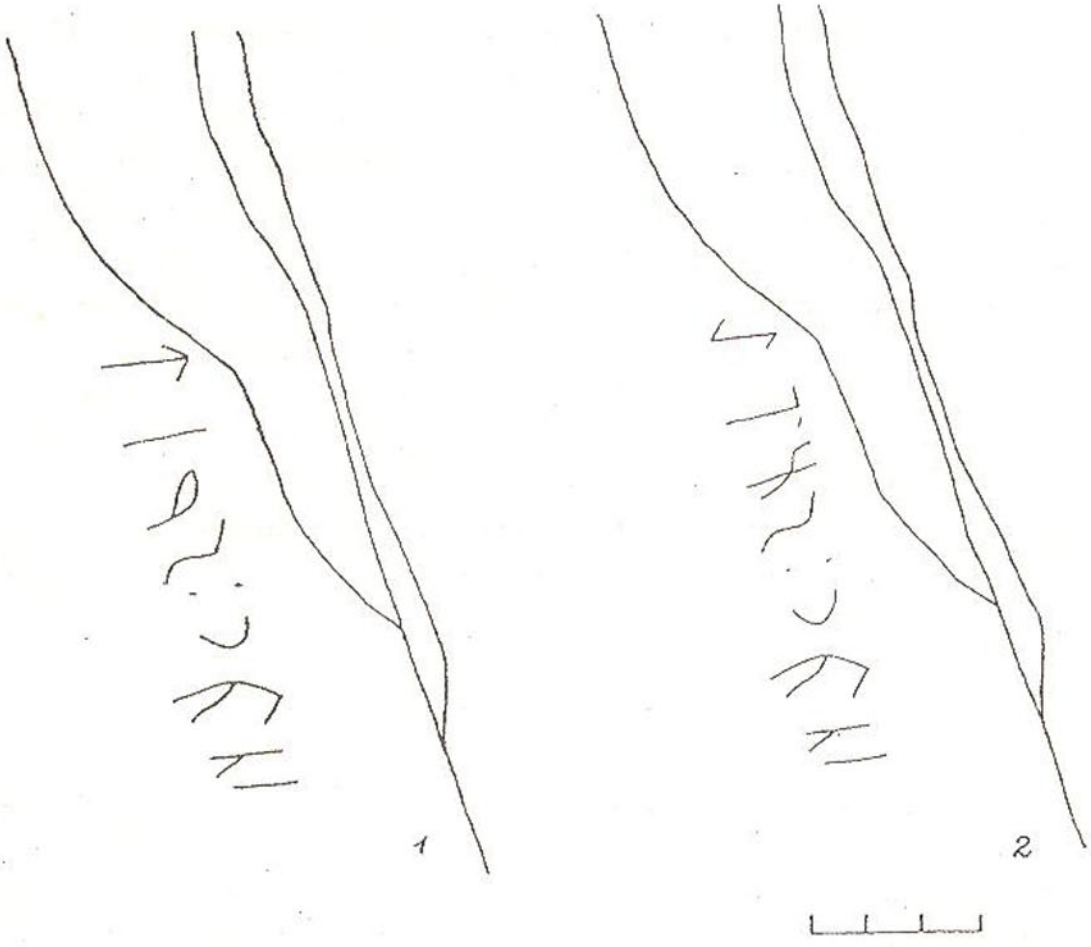

Рис. 29. Надпись Ялбак-Таш XXIV: 1 — *восприятие 2001 г.*, 2 — *восприятие 1994 г.*

ность остальным надписям скалы. Курсивные навыки писавшего проявлены формой 6-й руны (определение которой, вероятно, требует разработки курсивных рукописных начертаний) и обликом знака 3-го ( ).

Орфография. Частая смена рун для твёрдых и мягких звуков позволяет думать, что надпись выполнена в псевдорунической орфографии.

Ялбак-Таш XXV (рис. 30)

Судя по публикации В.Д. Кубарева (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384), эта надпись не была замечена исследователем, и открыта мною в 1994 г. Её прорисовка, прочтение и перевод изданы (Кыз-

ласов И.Л., 2001а, с. 248, рис. 5, *1*). Короткая строка из 5 знаков — самая нижняя в третьем ярусе граффити (рис. 21) — вырезана ни вертикально, как предшествующие надписи, ни горизонтально, а наклонно. Общая её протяжённость 8,2 см, на буквы приходится 6,4 см. Высота букв от 2,7 до 3,7 см. Несмотря на тонкую резьбу и поздние повреждения, руны ясно различимы и читаются вполне определённо. В 1,5 см перед первой буквой различим короткий (1,1 см) штрих, вырезанный сходным или тем же орудием, что и основная надпись.

Текст: ᛦᛏᚣᛁᚴ,

Транскрипция: k(i)š č(e)r {ä}

Перевод: (Я —) Киш. Избавь (~ освободи) (меня) (от греха)!

Разбор. 1. Подобный полуштрих, начинающий надпись и не имеющий фонетического значения, известен по четырём снисейским надписям из Хакасии — одной наскальной (г. Куня) и трёх на предметах (Кызласов И. 1994, с. 197-199, рис. 30, *1*, *3*, 31; Васильев 1983, с. 115, Е 84, Е 127).

2-3. Прочтение этих рун, говоря отвлеченно, может быть различным. Скажем, для увязки с последующим глаголом допустимо видеть повелительную форму 2 лица ед. числа глагола kes= «резать» в производном смысле «прерывать, прекращать» (ДТС, с. 302). Однако значение разбираемого слова устанавливается при сравнении с другими надписями, содержащими ту же формулу (Ялбак-Таш IX и XXVII), в первую очередь наиболее пространной Адыр-Кая I (Кызласов И. 2001а, с. 248, рис. 7). Здесь записано мужское имя. Учитывая традицию имянаречения коренных саяно-алтайцев, наиболее вероятным кажется прочтение kiš в прямом значении «соболь», хотя не следует отрицать возможность

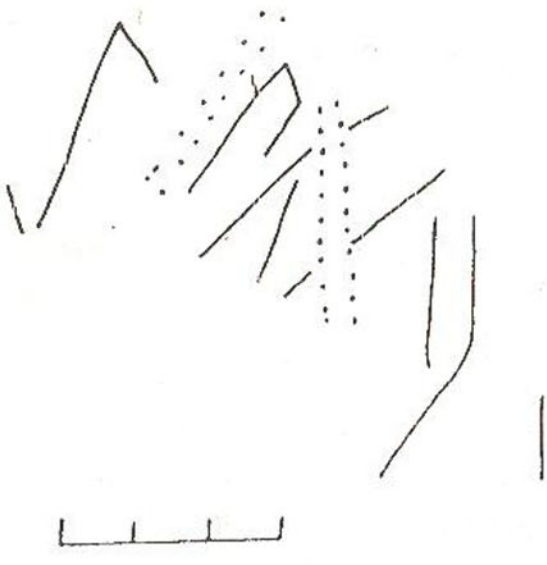

Рис. 30. Надпись Ялбак-Таш XXV.

видеть здесь kes в смысле «кусок» или «быстрый» (ДТС, с. 310). Ни одно из этих слов, насколько известно, до сих пор не встречалось в рунических надписях, и не было отмечено в качестве антропонима.

4-5. Глагольная основа čcr= «освобождать, избавлять» (ДТС, с. 144), записанная этими двумя рунами и выступающая сказуемым в повелительном наклонении 2 лица ед. числа, очевидно, входила в устойчивую фразеологию молитв. Кроме рассматриваемого случая, она применена в наскальных надписях Алтая ещё трижды (см. выше разбор 2-3).

6. Знак отмечает конец надписи и не имеет звукового значения. См. орфографический разбор надписи XIX.

Манихейское молитвенное назначение надписи разъясняется иными наскальными текстами (см. разбор Ялбак-Таш IX).

Палеография. Особой приметой текста является начальный полуштрих, до сих пор отмеченный, как говорилось, только в редких енисейских надписях Хакасии. Написание руны ᚴ k с длинными отводками (знак 2) сопоставимо со строкою XXII, а буквы č в виде вертикального ствола с отводком на одну, правую сторону — с надписью XXIV.

Орфография. Правописание надписи классическое. Следует отметить применение руны ᛦ для обозначения конца надписи — характерную особенность наскальных енисейских текстов Русского и Монгольского Алтая. См. также комментарии к надписи XIX.

Ялбак-Таш XXVI (рис. 31)

Надпись размещена выше описанной (рис. 21), нанесена косо и по мере письма всё круче поднимается над условной горизонталью. Строка сильно пострадала от поздней выбивки: обнаруживший её В.Д. Кубарев рассмотрел только три начальных и три конечных руны (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384). При изучении подлинника в 1994 г. удалось достичь несколько большего (рис. 21), а в 2001 г. уточнить детали (рис. 31). Однако нет уверенности даже в количестве рун, составлявших довольно длинную строку (39,5 см). При первом обследовании казалось, что их 15, при последнем — 13. Об-

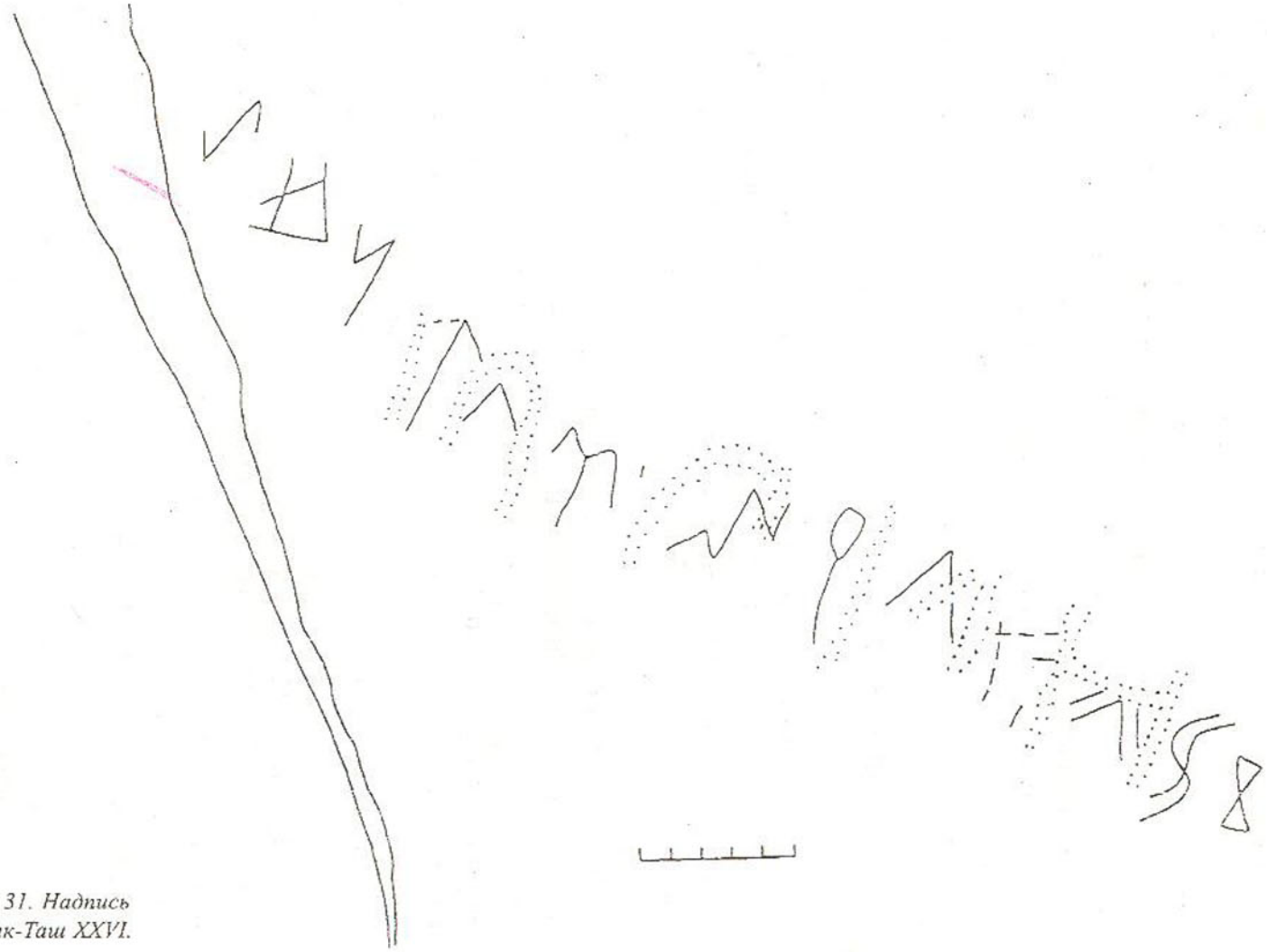

Рис. 31. Надпись Ялбак-Таш XXVI.

лик знаков 4 и 12 остаётся сомнительным или непонятным. Памятник требует дальнейшего полевого исследования.

Буквы, нанесённые тончайшими и мелкими бороздками, имеют высоту от 4,5 до 2,2 см, уменьшаясь к концу надписи. Три последние руны вырезаны значительно глубже прочих. По этой причине они даже могут быть восприняты как отдельная надпись. Пониманию текста препятствует и его первый знак — руна редкого, неизвестного начертания. Прочесть надпись мне не удаётся, но опубликовать её необходимо, она интересна в палеографическом и орфографическом отношениях. Обозначив звёздочкой непонятный знак, получим такое воспроизведение рунического текста (ср. рис. 21 и 31):

Текст: ᛦ ᛬᛬ ᛋ (ᛏ?)ᚴ 10ᚫᛉᛇᛩ 5ᚫ * ᛬᛬ ᛊ *

Разбор. 1. В енисейской надписи Тогус ас (Е 38/1, Хакасия) руна ᛩ z выведена тушью так, что перечеркивающая её линия сходится с углами основного зигзага. Знак приобрел вид двух треугольников, спаренных по вертикали, т.е. подобный искомому (Кызласов И. 1994, рис. 13, *1*). Но понимать так же руну 1 разбираемой надписи, видимо, нельзя, т.к. вполне вероятно, что z здесь передаёт вторая буква строки — курсивно выведенное ᛊ. Начальная руна нашей надписи находит твёрдые аналогии в одном из знаков ачикташского письма Средней Азии. Хотя эта не расшифрованная пока письменность известна лишь по трём эпиграфическим памятникам, в двух из них встречена эта буква. Среди 66 знаков ачикташской палочки она употреблена дважды, на черепке из Алтын-Асара — один раз среди 16 рун. В южноенисейском письме, родственном ачикташскому, таких знаков до сих пор не встречено (Кызласов И. 1994, с. 56-62, 279-284, рис. 7, 1, 9, табл. XVIII, 9, XIX, 50, XXI, 52, XXIII, 18). Однако южноенисейское письмо, в отличие от ачикташского, существовало на Алтае: им оставлены надпись Карбан (Ю 18) (Кызласов И. 1994, с. 53, 54, 76, 316-318) и открытая мною в 2001 г. новая строка на скале Бичикту-Бом (Ю 21). Среди наскальных надписей Алтая мы встречаем несколько случаев применения в енисейских надписях знаков южноенисейского письма. См., например, Бичикту-Бом III, 24 (Кызласов И. 2001, с. 116, рис. 4, 5, 6, *8*).

2. Руна может быть понята как курсивная форма z (ср. сходное начертание: Ялбак-Таш VIII, 2) и, с меньшим основанием, как d^1.

4. О виде знака, бывшего здесь, ничего сказать нельзя.

5а. Из-за тесноты расположения, не свойственного прочим знакам, принадлежность к надписи вертикальной борозды, воспроизведенной на рис. 31, сомнительна.

6-7. В 1994 г. здесь отмечено три буквы (рис. 21), в 2001 г. вместо и части виделось уже только . Однако в новом восприятии (рис. 31) смущает несимметричность колен, обычно не свойственная такому знаку. Это место надписи нужно проверить по подлиннику.

15. Исходя из аналогий, предоставляемых надписями Ялбак-Таша (см. разбор надписи XIX), предполагаю, что знак применен для обозначения конца текста и не имеет звукового значения.

Палеография. Надпись енисейского письма. На это указывает применение рун t^1 (руна 3), $š^2$ (руны 5 и 11), m (руна 14), n^2 (руна 9). Вместе с тем, в ней обнаруживается влияние иной алфавитной рунической системы, не азиатского, а евроазиатского корня (руна 1). Исходя из известного, следует говорить об ачикташском письме Средней Азии. Своеобразны начертания 2-го и 7-го знаков надписи. Первый из них (независимо от звукового определения) выглядит курсивным, прямолинейность второго, скорее напротив, лапидарного происхождения.

Орфография. Предполагая здесь классическое руническое правописание, отмечу особую функцию последней руны, обозначающей окончание текста. Надписей с таким признаком на горе Ялбак-Таш много (см. разбор строки XIX). Особенностью надписи служит также отсутствие в ней словоразделительных отметок.

Ялбак-Таш XXVII (рис. 32)

Эта строка, расположенная в центре третьего яруса выше надписи XXVI (рис. 21), не была замечена предшественниками (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) и обнаружена мною в 1994 г. Она состоит из пяти крупных, тонко и ровно начертанных знаков

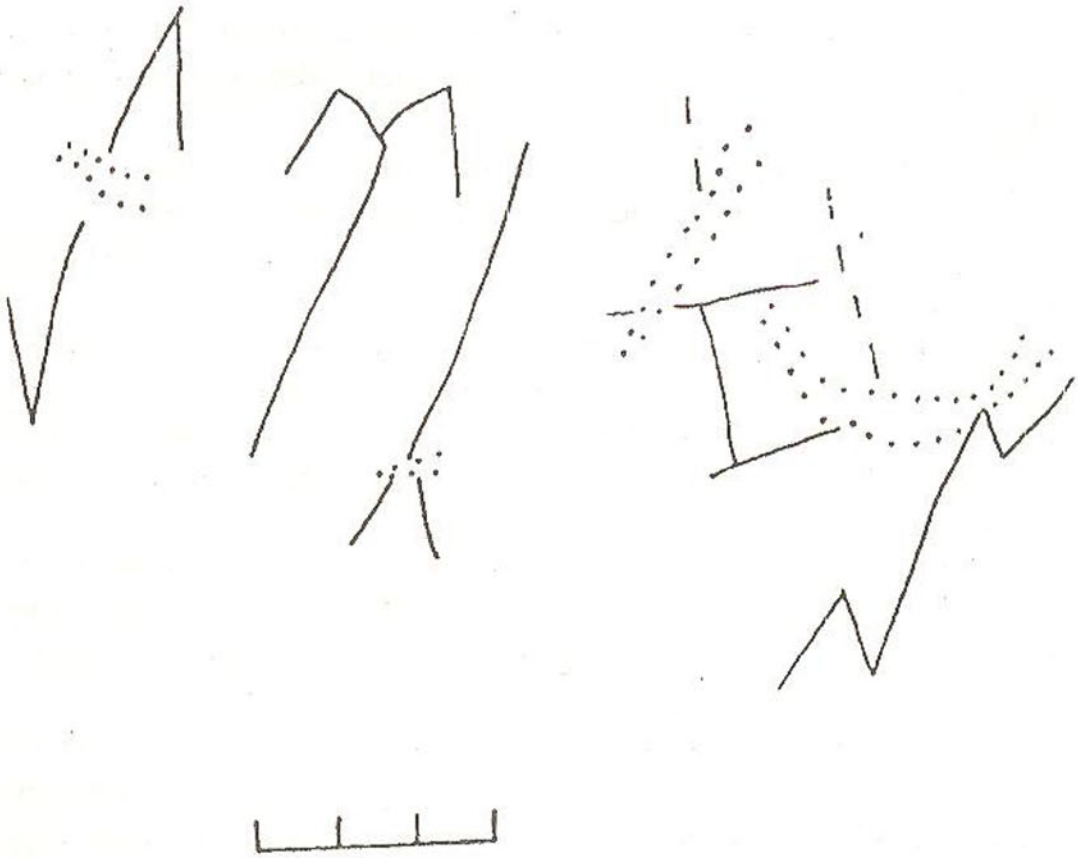

Рис. 32. Надпись Ялбак-Таш XXVII.

(высотою 5-5,5 см). Так же как и у предыдущих надписей этой группы, ось строки размещена косо, с подъёмом от первого знака к последнему. Длина строки 13,3 см. Надпись, несколько пострадавшая от поздней выбивки, издана в прорисовке, с прочтением и переводом (Кызласов И. 2001а, с. 248, рис. 6, *2*).

Текст: 𐰴𐰚𐰃𐰢𐰴

Транскрипция: (i)n(i)m č(e)r {ä}

Перевод: (Я —) Иним. Избавь (~ освободи) (меня) (от греха)!

Разбор. 1-2. Читаю то, что написано. Подобного имени (а здесь должно быть мужское имя, см. аналоги: Ялбак-Таш IX, XXV, Адар-Кая I) нет в «Древнетюркском словаре». Возможен лишь второй фонетический вариант прочтения слова — enim.

3-4. Глагол čег= «освобождать, избавлять» в повелительном наклонении 2 лица ед. числа. См. разбор надписи IX, 3-4.

5. Не имеющий звукового значения знак окончания текста. См. разбор надписи XIX.

Палеография. Судя по облику 1 и 2-й рун (ᚿ n² и ᛗ m), это енисейская надпись. Особенности почерка указывают на относительную одновременность и культурное единство этого лаконичного текста с основным массивом ялбакташских надписей. Из-за малочисленности знаков сегодня нельзя отметить каких-либо значимых индивидуальных черт.

Орфография. Классическое руническое правописание сопровождается здесь локальной алтайской особенностью — применением знака ᛋ как отметки окончания надписи.

Ялбак-Таш XXVIII (рис. 33)

Надпись осталась незамеченной предшественниками (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) и обнаружена мною в 1994 г. Короткая

Рис. 33. Надпись Ялбак-Таш XXVIII.

строка (10,4 см) из 5 знаков, нанесена выше всех надписей третьего яруса в левом углу плоскости (рис. 21). Как и соседние строки, она не горизонтальна, а наклонна: окончание выше начала. Надпись пересекает трещину породы и упирается в другую. Это может указывать на недостаток к моменту письма свободной, удобной поверхности. Возможно, строка нанесена позднее прочих надписей верхней части скального экрана. Высота знаков 2,2-2,4 см (однажды — 1,4 см), первая руна повреждена поздней выбивкой, однако, облик всех букв ясен.

Текст:

Транскрипция: b(i)t(i)d(i)m {ä}

Перевод: (Это) я написал.

Разбор. 1-4. Глагол biti= в прошедшем времени, 1 лице ед. числа. См. разбор II, 3-6, XIX, 7-8.

5. Знак окончания надписи. См. разбор надписи XIX.

Вероятно, верующие считали, что письменное слово воздействовало на божество сильнее произнесенного или было ему доступнее. Начертание на священной скале, закрепляло произнесённую перед тем молитву. Неслучайно ряд енисейских надписей содержит прямое указание: bitidim «(это) я написал» (Чарыш, Ялбак-Таш XVIII, XIX, XXIII, Бичикту-Бом II/1 на Алтае; Гурвалжин-ула в Монголии, Тепсейская пещера-I в Хакасии; ср. Хая-Бажи XI в Туве). Получение желаемого считалось результатом нанесения надписи (Ялбак-Таш XX на Алтае, Хая-Бажи X в Туве, Лисичья II в Хакасии). Поскольку создание надписи в строке V на скале Хая-Бажи (E 24/5) названо благим делом (Кызласов И. 1994 с. 194; 1999, с. 100, рис. 1), обычай можно связать с манихейской триадой единства помысла, слова и поступка. Благой помысел (постижение религиозного закона) порождал благое слово (молитву) и завершался благим делом (нанесением надписи) (Кызласов И. 2001а, с. 256, 257).

Сказанное позволяет расценить столь лаконичную надпись как устойчивую формулу, которую допустимо понимать так: «Я написал (это) (в ознаменование того, что произнёс)» или «Я написал (это,) (а ты, Господи, услышь меня!)». Письменные формулы, внешне совершенно подобные нашей, характерны для мировых религий. Раннес-

редневековые граффити «Имярек писал», отмечавшие акты молений, можно встретить, скажем, на стенах Софии Киевской.

Палеография. Надпись принадлежит к алтайскому варианту енисейского письма. Характерны ромбические, лишённые отводков формы букв 𐰉 b² (руна 1) и 𐰾 m (руна 4). См. разбор надписей I и XVIII.

Орфография. Классическое правописание надписи сопровождается местным использованием руны 𐰴 в качестве знака окончания.

Ялбак-Таш XXIX (рис. 34)

Строка в правой части верхнего яруса (рис. 21) осталась незамеченной первооткрывателем надписей III плоскости (Kubarev — Jacobson 1996, fig. 384) и обнаружена мною в 1994 г. Она размещена косой линией, поднимающейся в левой части. Вторая половина строки сильно пострадала от поздней выбивки. Судя по размерам знаков и промежуткам меж ними, на повреждённом участке было две буквы, а вся надпись состояла из 11 рун, высотою от 2,8 до 3,5 см. Прочесть надпись нельзя. При изучении подлинника возможны некоторые уточнения.

Текст: 𐰽 10𐰆 * * 𐰼 (?) 𐰃 5𐰴 𐰋 𐰇 𐰽 𐰃

Транслитерация: s²(š²)ŋqga(ä)*5*s²(š²?)r²**š²*10*l²

Транскрипция: s(a)ŋq(ï)γ (?)…(i)l

Перевод: Относящееся к монастырской общине (?) …, снизойди (Боже)!

Разбор. 1-5. Прочтение начала надписи, когда нельзя понять её окончание может быть только предположительным. И всё же оно не безосновательно по ряду причин. Во-первых, 5-я руна, судя по ряду здешних надписей, указывает на окончание слова. Во-вторых, в алтайских надписях одно слово может быть начертано с заменой требуемых твёрдорядных рун на мягкие. В-третьих, учтём религиозное назначение наскальных надписей Ялбак-Таша, т.е. определённые пределы возможного их содержания. Наконец, зная их манихейскую принадлежность, получаем возможность ориентироваться в вероятной лексике. Рискну предположить, что здесь записано слово saŋqïγ в значении «относящийся к монастырской

общине, монастырю», т.е. заимствованное из согдийского (языка манихейских миссионеров) snk`yk и оттого несколько видоизмененное. В уйгурских письменных памятниках известно две формы этого слова: saŋïg и saŋgig (ДТС, с. 485). Последний вариант близок нашему по набору согласных и по нарушению рядного единства гласных.

11. Последний знак, пожалуй, можно прочитать благодаря его позиции. В абсолютном конце надписи — это глагольная основа il= «спускаться, сходить, опускаться» (ДТС, с. 207), обозначающая повелительное наклонение. Призывы такого рода нередки для енисейских наскальных надписей. Полную смысловую аналогию встречаем в применении глагола čök= «опускаться» (ДТС, с. 154) в надписях Хакасии (Кызласов 1994, с. 188; 2001а, с. 246, 247): 𐰚𐰃𐰋𐰇𐰴𐰃𐰇𐰉𐰆 t(ä)ŋr(i)m čök bizkä «Мой Боже, снизойди до нас!» (Туба II, E 36/2), (𐰃?)𐰴𐰍𐰚𐰃𐰇𐰉𐰚𐰴𐰍𐰆… …t(ä)ŋr(i)m {ä} čök {ä} j(e)rk(?m?)[ä] «… Мой Бог, снизойди на земл[ю] (~мою землю ?)!» (Тепсей VI, E 116), 𐰃𐰇𐰉𐰴𐰍𐰆… …t(ä)ŋr(i)m čök «…мой Бог, снизойди (до меня)!» (Тепсей, прорись1904 г.). В той же функции мы встретили основу en= «спускаться, сходить» в надписи Ялбак-Таш V (см. разбор 8-9). Иная форма этих убеждений в Бичикту-Бом II/1, выражена глаголом ör= «появляться» (ДТС, с. 388): (1)𐰚𐰍𐰇𐰾𐰍𐰣 (2)𐰚𐰴𐰼𐰆𐰴 (1) (e)n (e)r(i)g ör {ä} (2) b(i)t(i)d(i)m {ä}«(1) (Мой Бог,) предстань перед грешным мужем! (2) (Это) я написал» (Кызласов И. 2000, с.92-96, рис. 4, 5; 2001а, с. 249). Очевидно, верующие уповали на явление божества земным обитателям.

Возможность указанного прочтения знака 11, вероятно, следует учесть и при дальнейшей работе со строкой XXX.

Палеография. Енисейская принадлежность надписи определяется буквой 𐰴š² (знак 10). Использование ее позволяет видеть в руне 𐰃 средство для передачи согласного s².

Орфография. Сочетание букв 1-5 допускает псевдоруническое правописание. Можно думать, что знак 𐰚 выполняет словоразделительную функцию.

* * *

Надписи Ялбак-Таш XXX и XXXI находятся на плоскости II.

Рис. 34. Надпись Ялбак-Таш XXIX.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В раннем средневековье было два этапа почитания скалы Ялбак-Таш. Первый представлен рисунками оленей и не имеет достоверной связи с надписями. Напротив, когда это может быть установлено, надписи созданы позднее средневековых рисунков и, нередко, не считаются с ними (см. XIII, XIV, XVIII, XXI и XXIII — рис. 3, 5, 16, 21, 23, 26, 28). Ко второму этапу почитания скалы принадлежат сами рунические надписи, а также, судя по содержанию строки XX, вырезанные на плоскости I личные тамги.

Последнее обстоятельство указывает причины появления раннесредневековых тамговых знаков на южносибирских скалах (но не на стелах). Они высекались с теми же целями, что и надписи — молившийся отмечал этим факт своего поклонения. Следовательно, как и в случае с надписью, сам акт нанесения на скалу личной тамги может связываться нами с манихейским вероисповеданием её обладателя. Благодаря надписи XX (и группе одновременных ей тамговых знаков на плоскости I), получаем объяснение известному соседству большого числа личных геральдических знаков и надписей на почитаемых скалах Тепсей в Хакасии и Хая-Бажи в Туве. Одновременность наскальных надписей и тамг в пределах 9-10 вв. показана ещё 40 лет назад (Кызласов Л. 1960, 1965). Теперь можно заключить, что вызванный манихейством обычай не был лишь древнехакасской особенностью, а распространялся на всё разноплеменное население Саяно-Алтайского нагорья 9-10 вв., входившее в единое государство и исповедовавшее общую религию.

И всё же истоки обычая наскального молитвенного письма, вероятно, могут быть определены довольно точно. Особого внимания заслуживает практически полное отсутствие на Алтае наскальных надписей младшего орхонского алфавита, время существования которого в целом совпадает с победой манихейства в Уйгурском каганате. Известна только одна камнеписная орхонская надпись той поры, вырезанная на скале Бичикту-Бом (Кызласов Л. 1997, с. 110-112). Такой разительной картины не могло возникнуть, если бы восточное манихейство изначально, уже в 763 г. несло с собою в Центральную Азию обряд наскального ритуального письма. Нет наскальных надписей манихейского содержания, выполненных каким-либо священным для этой религии письмом (в том числе и собственно манихейской азбукой), в иных пределах раннего распространения этой религии — ни в Средней Азии, ни на Среднем Востоке. Мы вправе заключить, что изучаемый обряд есть характерная особенность северного манихейства и сложился он на местной южносибирской почве. Его неоспоримая связь с енисейским руническим письмом указывает на древнехакасскую природу воззрений, с принятием манихейства приобретших вид культового письма на скалах.

Поскольку на скале Ялбак-Таш фиксируются дописьменный и письменный периоды почитания горы и, исходя из содержания надписей, письменный этап поклонения связан с манихейством, то дописьменный этап, наверное, характеризует ещё языческое мировоззрение местных жителей. Следовательно, рисунки оленей (как и представленный ими изобразительный стиль) правомерно относить ко времени, предшествовавшему созданию единого саяно-алтайского государства в 9 в. или даже ранее 60-х гг. 8 в. — рубежу принятия манихейства Уйгурским каганатом. Выявить раннесредневековые доманихейские формы почитания скал на Среднем и Верхнем Енисее ещё предстоит. Очень вероятно, что они также окажутся бесписьменными.

Это не означает, что в наскальных енисейских надписях нельзя отыскать следов по-настоящему древних местных воззрений. Манихейство, как известно, вбирало в себя многие черты побеждаемых мировоззрений и культов. Так, языческим, по сути, поклоне-

нием Священной Земле предстаёт надпись Ялбак-Таш IV/VI. Отражение тех же воззрений встречаем, пожалуй, в начале не прочитанного пока до конца текста I.

Нанесение надписи было следствием свершившегося у горы устного моления. Такой вывод следует из содержания строки X, как и надписи Текпенек на Кара-Коле (Кызласов И. 2001а, с. 257, рис. 10, *2*). Надписи горы Ялбак-Таш впервые раскрывают, к кому обращались слова, произносимых у скал манихейских молитв. Надпись V видится обращением к верховному божеству, ему же, можно думать, адресованы строки VII и XXIX, а также надпись II/XV и краткие, но горячие призывы строк IX, XXV, XXVII. Содержание, по крайней мере, двух надписей (XI и XVI) свидетельствует, что на скале вырезались призывы, адресованные людям. По надписи VIII заключаем, что верующие взывали к церковным авторитетам. А надпись XVI направлена даже к язычнику, не разделявшему религиозных убеждений писавшего. Строка XIII свидетельствует о том, что верующие молились и о других людях, имена которых указывались.

Стандартная для надписей формула (ben) bitidim «я написал» выявляет заботу о личном спасении. На скале такой речевой оборот встречен пять раз: в строках II, XVIII, XIX, XXIII, XXVIII. Легко заметить, что сама формула может быть начертана двояко: с обозначением личного местоимения и без него. К первому варианту принадлежат строки II и XIX (ср. X: ben tedim), а ко второму — XVIII, XXIII и XXVIII (ср. VII: erpen tedim) и надписи на других скалах Алтая (Чарыш, Мендур-Соккон, Бичикту-Бом). Чем вызвано такое речевое расхождение, предстоит понять.

Большинство надписей не содержит указаний на имена писавших. Строки оставлены людьми, подчёркивавшими свою обыденность и, как следствие этого, бренность и греховность, т.е. манихеями. Писавшие полагали, что бог сам знает того, кто к нему обращает молитвы.

Во всех случаях обозначения имён авторов надписей, они лишены титулов, т.е. принадлежали не аристократам (III, IX, X, XIII, XVIII, XXV, XXVII, а также, вероятно, XIX). Следовательно, перед нами свидетельства грамотности простолюдинов. Вполне воз-

можно, что таковой по происхождению была часть манихейского клира. Этимология этих имён позволяет думать, что простолюдины не знали обычая смены личного прозвища при достижении зрелого возраста и социального статуса. Возможно, этот древний, связанный с институтом эрства обычай в эпоху, представленную нашими памятниками рунического письма, соблюдался уже только аристократами.

Почерки надписей III, IV/VI, V, VIII, X, XII и XIII сходны. Подобное же графическое единство отмечается для расположенных в ином месте строк XVII, XIX, XX и XXI. Значительное внутреннее сходство двух групп позволяет заключить, что каждую из их нанесли люди, получившие образование в одном месте. Школы письма выделяются, прежде всего, по почерковым особенностям письменных памятников. Вторым критерием служат особые орфографические признаки, которые на нашем материале выделяются, пожалуй, лишь в самом общем виде.

Характерное в этом отношении применение буквы ᛦ только как отметки конца текста встретилось в серии надписей (строки III, VIII, IX, XIII, XX, XXV, XXVII, XXVIII, а также XIX). Во всех случаях последним звуком фраз был согласный. Только при подобном звуковом завершении можно судить о присутствии или отсутствии этого признака в надписях. Неслучайно его нет в конце строк XVIII и XXII. Ср. окончание надписей VII и XI на узкие гласные. Местная для Русского и Монгольского Алтая черта — использование этой же буквы в качестве словоразделительной отметки (строки V, X, XVIII, XXIII, вероятно, XVII). Вокатиное значение эта вставка, возможно, имела только в надписи VI.

Совершеннейшая новость в рунологии — намеренное оставление просвета между группами слов, отмечаемое в трёх надписях: IV/VI, XII, и XVI. Всюду этот прием отделяет первую часть текста. По величине просвет соответствует средней ширине письменного знака каждой из этих строк: в VI он равен 1,5 см (при ширине знаков 1,3-1,7 см), в XII — 1,2 см (при, соответственно, 0,9-1,8 см), в XVI — 2 см (при 2 см). Раздельное написание двух групп знаков, вероятно, применено и в неподдающейся пока прочтению надписи XIV.

В целом же палеографическая и орфографическая картина, выявляемая в изученных надписях, пёстрая. Хотя все надписи выполнены енисейским письмом, характеризующие его начертательные и орфографические нормы строго выдержаны только в надписи II/XV. На скале есть строки алтайского варианта этой азбуки (I, XIV, XXIII, XXVIII и, вероятно, XVIII). Облик отдельных знаков в строках IV, XII и XXII отражает графическое влияние иной рунической системы письма евроазиатского корня (южноенисейской), а в строке XXVI, вне всякого сомнения, применён какой-то чужой знак (исходя из известного, принадлежащий евроазиатскому ачикташскому письму Средней Азии). Не свойственное для енисейской руники письмо сверху вниз встречаем в надписи XIV. Редкие строки имеют словоразделы в виде вертикальных двоеточий (XVI, XX, XXI, XXIV), другие надписи вообще лишены разграничительных знаков (I, XIV, XXII, XIX, XXVI), а в строке X, напротив, отмечается их излишек: рядом с точками использован и знак ᛦ. В трёх надписях допущен зеркальный поворот букв (VI, XII, XXIII). Нарушения орфографических норм, допущенные в некоторых надписях на горе Ялбак-Таш, распадаются на две разновидности. Для первой характерно применение мягкорядных букв там, где нужны руны для твёрдорядных звуков (XXIII и, вероятно, XVII); для второй — наоборот, применение знаков для твёрдых звуков, когда нужны руны для мягких (XX, XXII, вероятно, XXIX). Различие в этом плане состоит также в том, спорадически (строка XX, XXII) или системно (XXIII) допущено отклонение от нормы.

Отдельные особенности надписей указывают на специальные знания писавших. Орфографическое и палеографическое своеобразие надписи IV/VI позволяет думать, что её автор знал не менее трех систем письма, одна из которых была какой-то алфавитной, а две других руническими: енисейской и южноенисейской. Написание аффиксов в строках IV/VI, XX и XXII, пожалуй, указывает, что писавшие понимали морфологический строй слов, т.е. обладали определёнными филологическими познаниями. Здесь же отмечу расхождение рун по рядности при записи основы и аффикса в надписи XII. Свидетельством профессионализма отличается надпись II/XV, лаконично выражающая кредо образованного сословия. Ис-

пользованный для этого речевой оборот восходит к давней литературной традиции Древнего Востока. Этот случай поражает ум осознанием единства и устойчивой преемственности литературной традиции. Сознательное подчинение фраз приёму параллелизма — древнему строю художественной тюркской речи — встречаем в надписях XXI и XXII.

Из языковых особенностей ялбакташских надписей обращу внимание на две явно проступающие черты. В надписях IV/VI и XX слова jer и jig лишены начального j, а в строках VII, XI и XVI вместо твёрдогласных глагольных основ arï= и arït= встречены мягкие формы eri= и erit=.

УПОМЯНУТАЯ ЛИТЕРАТУРА

Болдбаатар Ю., 1997. Руническая письменность горы Дэл-Ула // Научные работы студентов, № 1. Изд-во Монгольского университета. Улаанбаатар.

Боргояков М.И., 1960. Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VIII. Абакан.

Брагинский И., 1973. У истоков художественного слова // Библиотека всемирной литературы. Поэзия и проза Древнего Востока. М.

Васильев Д.Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.

Древнетюркский словарь, 1969. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.

Кляшторный С.Г., 1978. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. М.

Кононов А.Н., 1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л.

Кубарев В.Д., 1990. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.

Кубарев В.Д., 1992. Сенмурв из Калбак-таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.

Кубарев В.Д. — Маточкин Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Новосибирск.

Кубарев Г.В. — Цэвээндорж Д., 1999. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Кызласов И.Л., 1992. Рунические надписи на двух серебряных сосудах // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.

Кызласов И.Л., 1996. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. М.

Кызласов И.Л., 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, t. L. Budapest.

Кызласов И.Л., 1997а. Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М.

Кызласов И.Л., 1998. Две древнехакасских надписи на горе Лисичьей // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. II. Абакан.

Кызласов И.Л., 1998а. Священная земля тюрков по руническим надписям // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов международной конференции. М.

Кызласов И.Л., 1999. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология, № 4.

Кызласов И.Л., 1999а. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.

Кызласов И.Л., 1999б. Наскальная история Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск.

Кызласов И.Л., 2000. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая, № 5. Горно-Алтайск.

Кызласов И.Л., 2001. «Добро сотворив, посеять человечность»

(Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи, вып. 15). Воронеж.

Кызласов И.Л., 2001а. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.

Кызласов Л.Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, № 3.

Кызласов Л.Р., 1964. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология, № 2.

Кызласов Л.Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, № 3.

Кызласов Л.Р., 1997. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. Серия 8. История, № 1.

Кызласов Л.Р., 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История, № 3.

Кызласов Л.Р., 1999. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов (Университетская библиотека Хакасской археологической экспедиции. Кн. 2). Абакан.

Кызласов Л.Р., 1999а. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология, № 2.

Кызласов Л.Р., 2001. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение, № 5. М.

Кызласов Л.Р. — Кызласов И.Л., 1994. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // Российская археология, № 1.

Малов С.Е., 1951. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.

Наделяев В.М., 1981. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия Сибирского отделения АН СССР, № 11, серия общественных наук, вып. 3. Новосибирск.

Наделяев В.М., 1984. Древнетюркские надписи Горного Алтая //

Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск.

Пигулевская Н.В., 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л.

Поэзия и проза Древнего Востока (Библиотека всемирной литературы), 1973. М.

Смагина Е.Б., 1998. Комментарий и глоссарий // Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Перевод и исследование Е.Б. Смагиной. М.

Спасский Г.И., 1818. Записки о сибирских древностях // Сибирский вестник, ч. 1. СПб.

Теншиев Э.Р., 1958. Руническая надпись на утесе р. Чарыш (Алтай) // Эпиграфика Востока. Вып. XII.

Тугушева Л.Ю., 1991. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М.

Хороших П.П., 1949. Изображения на скале Ялбак-Таш // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. XXV.

Шинехуу М., 1971. Древнетюркские надписи Дарива // Монголын эртний туух-соёлын зарим асуудал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. V, fasc. 10). Улаанбаатар.

Шинехуу М., 1976. Новое исследование древнетюркской надписи на реке Тес // Археологийн судлал (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici, t. VII, fasc. 9). Улаанбаатар.

Kubarev V.D. — Jacobson E., 1996. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, fasc. 3 (Mémoires de la Mision Archéologique Francaise en Asie Centrale. T. V, 3). Paris.

Tryjarski Ed. — Hamilton J., 1975. L'inscription turque runiforme de Khutuk-Ula. Journal Asiatique. Paris.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЧТЕНИЕ НАДПИСЕЙ 3
Плоскость I 8
Нижняя группа 10
Ялбак-Таш I 10
Ялбак-Таш XIV 13
Ялбак-Таш XVI 16
Верхняя группа 17
Ялбак-Таш III 19
Ялбак-таш IV/VI 21
Ялбак-Таш V 26
Ялбак-Таш VII 29
Ялбак-Таш VIII 32
Ялбак-Таш IX 34
Ялбак-Таш X 37
Ялбак-Таш XI 40
Ялбак-Таш XII 41
Ялбак-Таш XIII 45
Плоскость II 46
Ялбак-Таш II/XV 48
Ялбак-Таш XXX 58
Ялбак-Таш XXXI 58
Плоскость III 61
Ялбак-Таш XVII 64
Ялбак-Таш XVIII 67

Ялбак-Таш XIX 68
Ялбак-Таш XX 71
Ялбак-Таш XXI 74
Ялбак-Таш XXII 78
Ялбак-Таш XXIII 82
Ялбак-Таш XXIV 85
Ялбак-Таш XXV 86
Ялбак-Таш XXVI 88
Ялбак-Таш XXVII 91
Ялбак-Таш XXVIII 93
Ялбак-Таш XXIX 95

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ 98

УПОМЯНУТАЯ ЛИТЕРАТУРА 104

